

ПИСЬМА И. П. НОВОСИЛЬЦОВА К А. А. ФЕТУ

ЧАСТЬ II*
(1885—1887)

(Публикация Е. В. Виноградовой)

29

25 января (6 февраля) 1885 г. Петербург

С. Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Января 25, 1885.

Любезный и милый друг, ты, пожалуй, и доброе свое обо мне мнение переменял на худое, постараюсь заслужить опять, что тебе должно быть явным доказательством, что некоторую долю вины за собой признаю: объявление о книгах получил, подписал, засвидетельствовать велел и получил с почты,¹ тотчас же настроил письмо Делянову,² вручил ему и являюсь твоим уполномоченным ездovým, что ты сам к нему пишешь, но что для большей верности в доставке ты мне отправку поручил. Написал и повез сам к Делянову, передал швейцару карточку, письмо и книгу переплетенную, потом на другой день опять заехал к министру и опять не застал. Делянов мне отвечал, что получил и жалеет, что я его не застал дважды; в тот же день видел Делянова вечером во дворце и потолковал ему, что вот, мол, какие труды! и проч., потом сообщил ему, что ты слишком «настоящий», чтобы не быть польщен-

* Продолжение. Начало публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2005.

ным наградой от государя,³ что награду вряд ли когда тебе придется надеть — разве на мировом съезде, если таковой удостоишь своим присутствием, говорю про Мценский, но что ты очень благодарил! И, говоря это Делянову, я указал ему на кавалера довольно высокого ордена, который из кожи лез, чтобы его получить, а теперь разыгрывает либерала «au-dessus de cela»,⁴ и получил этот сановник орден за постоянную нигилистину, которой сочувствовал и продолжает сочувствовать! Но времена этих прошли — это я чувствую и могу многими примерами доказать, хотя в голове, выше всех стоящей, дело делается тихо, но упрямо и настойчиво: уступит на шаг, на два — и ждет, чтобы сказать потом: прекратить уступку, ну — что я вам говорил? Дрянь вышло, как я и полагал!⁴

С статьей «На распутьи» я не мог еще добраться до этой головы и надеюсь постом дать ее прочесть, но около головы я уже дал читать, не отвергая, что в статье участие я принимал, но что она все-таки писана тобой. Как я скажу, что я принимал участие, так является желание узнать, что говорит и думает этот крепостник! Государю, читавшему текст и раз в рукописи цензуровавшему «Наши корни»,⁵ любопытно будет прочесть еще твоё творение. Посылаю тебе взорвавшую меня нелепостью тона и тех чувств и убеждений, лежащих в основании этого тона, статью «Нового времени» (официозного) о том, что орловское дворянство не желает крестьянского банка!⁶ На днях, как-то встретившись с Игнатьевым, известным преемником диктатуры сердца и прослывшим в дипломатическом мире под названием Ментир-Паша,⁷ потолковали о том, что делается в деревне и проч. Я ему сказал после некоторого времени, чтобы он и не воображал, что я сочувствую предложенной и проведенной им мере крестьянского банка, что я нахожу такого рода заботу правительства в ущерб помещичьему хозяйству, основанной на лживых началах, и что, разорив беспорядицей крестьянство, не тем его поправят, что станут ему помогать покупать земли в долг, что есть и будут случаи, отдельные, где крестьяне выгодно купят у помещика землю; но что если настоящей безурядице не будет положен конец — то и покупка крестьянскими общинами помещичьих земель лишь послужит к уничтожению заведенных хозяйств, к вырубке лесов и проч. Это общинное владение увеличивать — глупство, как выражаются поляки, что не мешает после освобождения крестьян посмотреть, как дышат и как живут помещики у себя в имениях и что им нужно, а не чего добывается газетная филантропия, где антропос значит всегда мужик и никогда помещик. Игнатьев на меня взъелся, и се-

³ Выше этого, над этим (франц.).

годня в «Новом времени» (газете, которой Игнатъев с давних времен не только сочувствует, но содействует) появилась статья, которую и посылаю тебе.

Два года тому назад Головин (пишущий повести под псевдонимом Орловского, но подписывающий своим именем серьезные статьи) написал в «Русском вестнике» две статьи, одна — о крестьянском кредите, а другая — сравнение крестьян многоземельных Самарской губернии с крестьянами относительно малоземельными Саратовской.⁸ Вот такие мысли должны бы лечь в основание правящих людей! Все-таки я надеюсь и вижу, как трудно государю в том омуте, который ему приходится очищать, щадя дорогую и святую память отца! Если бы я не боялся скандала, завтра же настроил письмо в редакцию «Нового времени», но придерживаюсь пословицы: «не трогать..., чтобы не завоняло пуше».

Как меня бесят корреспонденции из Финляндии: там порядок, бережливость, нравственность, а мы им желаем навязать всю непролазную кашу, которую настряпали себе на голову в продолжение двадцати лет. Читал ли ты? Какие-то самозванные агенты переселения во внутренние губернии России эстов, латышей и проч. и сбивавшие этих несчастных с толку, брали с них подписи, — попались, и их высекли розгами! и как хорошо сделали! А наши газеты взволнованы этою мерзостью! Не то же ли самое я сделал бы или желал сделать с людьми, которые приходили бы подбивать крестьян и соседей ко всякого рода беспорядкам?⁹

Жму тебе руку, благодарю за экземпляр журнала, читал кое-что и еще почитываю, но ныне я под впечатлением последнего тома Н. Таин'а.¹⁰ Свежо предание, а верится с трудом! Позолотить надо такого мужественного мыслителя! Писать, что он пишет, и где? Во Франции 1885! Неужели оттуда опять нас будут учить, как бороться с разлагающими началами, которые мы оттуда же заимствовали? Может быть.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

О Пете не имею свежих вестей, я сам нездоров, не выезжаю, но напишу и сообщу тебе.¹¹

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Москва, Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 26 января 1885;
2) Москва, 27 января 1885.

¹ Речь идет о получении очередной партии брошюр со статьей А. А. Фета «На пути», написанной в конце 1884 г. и касающейся вопросов общинного землевладения в России. На эту статью Новосильцов хотел обратить внимание императора Александра III, о чем писал в письме Фету 30 нояб. 1884 г.: «Жду брошюру деревенского жителя, и при ее распространении буду скромно опускать веки...» (см. примеч. к письму 24, «Письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету», часть I, в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» на 2001 год (СПб., 2005) — далее именуется как «Часть I»).

² *Делянов Иван Давыдович*, граф (1818—1897) — министр народного просвещения России с 1882 г., член Государственного совета.

³ Имеется в виду награждение А. А. Фета в 1884 г. орденом св. Анны I степени.

⁴ Речь идет о политике Александра III, который в 1881—1882 гг. изменил состав Государственного совета: министры его отца (Д. А. Милютин, А. А. Абаза, М. Т. Лорис-Меликов, вел. кн. Константин Николаевич) ушли в отставку, а их места заняли другие, поддерживающие политические устремления нового императора.

⁵ «Наши корни» — статья А. А. Фета, опубликованная в «Русском вестнике» в феврале 1882 г. В ней были затронуты темы, волновавшие и Фета, и Новосильцова: социально-экономическая жизнь России 80-х гг. после «половинчатых» преобразований, ее материальные и нравственные корни.

⁶ Газету «Новое время», издаваемую с 1974 г. А. С. Сувориным (1834—1912), полностью официозной назвать нельзя, хотя направленность многих ее статей совпадала с правительственным курсом. Статья, о которой пишет Новосильцов (к его письму приложена газетная вырезка с пометами красным карандашом), была опубликована 25 янв. 1885 г. в газете «Новое время» на с. 2 и касалась одной из острейших проблем крестьянской реформы: возникновения так называемого крестьянского банка. Целью этого учреждения была попытка сделать крестьянина собственником земли, которую он смог бы выкупить у помещика, взяв ссуду в банке. В статье доказывается, что крестьянский банк не нужен из-за возможности столкновений помещиков с крестьянами, если они потребуют свою часть земли, чтобы ее продать. Многих читателей, в том числе и Новосильцова, возмущало, что автор статьи не видит другого: крестьянские банки создаются прежде всего для помощи отдельным сельским общинам, оказавшимся в наихудших условиях.

⁷ «Диктатура сердца» — ироничное название времени, когда внутренней политикой руководил М. Т. Лорис-Меликов (февр. 1880—апр. 1881); после его отставки при Александре III по настоятельной рекомендации Победоносцева пост министра внутренних дел занял Игнатъев.

Игнатъев Николай Павлович, граф (1832—1908), генерал-адъютант — русский посол в Турции в 1864—1877 гг., министр внутренних дел в 1881—1882 гг., член Государственного совета. В конце 1881 г. составил основания проекта об учреждении особого крестьянского банка, который впоследствии с изменениями был вынесен на обсуждение в Государственный совет. Главной задачей этого проекта было облегчить крестьянам покупку частных земель, т. е. поднять уровень народного благосостояния путем расширения крестьянского землевладения. Мера эта казалась настолько состоятельной, что должна была производиться за счет пособия от казны, включая благотворительный кредит для несостоятельных крестьян.

⁸ *Головин (псевд. Орловский) Константин Федорович* (1843—1913) — прозаик, публицист, литературный критик. В 1880-е гг. в «Русском вестнике» опубликовал ряд статей по экономическим вопросам. Придерживался монархических взглядов, активно поддерживал земско-дворянскую оппозицию, боровшуюся за усиление политической роли крупнопоместного дворянства. Имеются в виду его статьи, опубликованные в «Русском вестнике»: «Что такое крестьянский кредит» (апр. 1882, т. 158) и «Крестьянское землевладение в двух низовых губерниях» (июнь 1883, т. 165), в которых обсуждаются пробле-

мы крестьянской реформы: нужен ли крестьянский кредит, в чем его преимущества и недостатки, как правильно им пользоваться в разных губерниях Российской империи.

⁹ О событиях, происходящих в Прибалтийских губерниях, в то время писали многие русские газеты. В частности, в статье «Прибалтийские привилегии в Венденском уезде Лифляндской губернии (Письмо из Риги)» в газете «Русь», № 1 за 1885 г., говорилось о массовых арестах и порках крестьян, подозреваемых в уголовных преступлениях (кражи, поджоги). «Секли всех: и обвиняемых, и свидетелей, <...> и крестьян-хозяев, <...> и безземельных работников». В статье намекалось, что это не что иное, как расправа местного дворянства с крестьянами-латышами, перешедшими в православие, чтобы получить от русского царя земельный надел, свободу от повинностей и т. д. Религиозный вопрос в Прибалтийских губерниях приобрел в 80-х гг. большую остроту и имел политический характер, представляя собой борьбу российского правительства и остзейского дворянства за влияние на местное латышское и эстонское население.

¹⁰ *Тэн Ипполит* (Taine Hippolite) (1828—1893) — французский писатель, философ, мыслитель второй половины XIX в., автор знаменитых произведений «Французские философы XIX в.» (1857), «История английской литературы» (1864), а также «Начала современной Франции» (1876—1893), которые неоднократно переиздавались и были переведены на русский язык. Этот грандиозный труд был посвящен изучению истории французского общества и основан на обширном историческом материале. 1-я часть, «Старый порядок» вышла в 1875 г., 2-я — «Революция» — состояла из трех томов («Анархия» (1878), «Завоевание якобинцев» (1881) и «Революционное правительство» (1884)). Здесь Тэн дал правдивую историю французской революции 1789—1794 гг., вскрывая ее буржуазный характер и разрушительный пафос, пытался психологически исследовать личность якобинца, человека нового политического типа, раскрывая корни якобинского деспотизма. 3-я часть «Начал современной Франции» — «Современный строй» (Тэн успел издать только 1-й ее том в 1891 г.) касалась Наполеона и реконструкции французского государства. Возможно, И. П. Новосильцов получил 3-й том 2-й части, «Революционное правительство», написанный во Франции в период демократических преобразований после установления Третьей Республики.

¹¹ *Петя Борисов* (Борисов Петр Иванович) — племянник А. А. Фета, назначенного его опекуном после смерти родителей. В это время Петя находился на лечении в больнице для душевнобольных св. Николая Чудотворца в Петербурге (см. Часть I, примеч. 3 к письму 3 и примеч. 1 к письму 14).

30

19 февраля (3 марта) 1885 г. Петербург

С. Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Февраля 19го 1885.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич! Хочу рассказать кое-что, что тебя порадует: ты, вероятно, прочел, что известный Кони, председательствовавший в процессе над убийцей Засулич и торчавший с тех пор в несменяемом судебном мире, получил на днях назначение обер-прокурора при общем собрании кассационных департаментов Сената! Назначение это сделало на меня и на многих других тяжелое впечатление! «Как? — говорилось внутренно, — государь, сочувствую-

щий „Нашим корням“, мыслящий здраво и честно, назначил, повысил иерархически такого молодца, как Кони! Что же это? Опять туман? Опять Его обходят? и, мысля благо, опять Его власть служит орудием подкапыванию Его же власти?». Недоумевали: на днях представлялись государю некоторые магнаты, между ними барон Фредерикс, тамбовский губернатор,² который мне сгоряча и передал сообщаемый ныне факт о Кони, по случаю своего назначения! Государь вышел, подходил то к одному, то к другому из представлявшихся, государь всем подал руку, подошедши к Кони, государь остановился, руки не дал, а, отступив, громко сказал: «Представляетесь по случаю Вашего назначения? Я Вас назначил лишь вследствие настоятельной о том просьбы и ходатайства министра юстиции,³ он хотел Вам этим дать случай изгладить плачевное и тяжелое прошедшее Вашей службы в судебном ведомстве! В этом я желаю Вам успеха!» — и повернулся прочь! Тебя порадует, полагаю, этот рассказ. Услыхав о нем, я пошел справляться, так ли было; вчера я имел случай спросить о том, не стеснился, спросил и получил подтверждение! В городе уже с различных сторон мне говорили об этом, разумеется, с преувеличением и проч. Хорошо, что говорят и разносят по миру такие слова царские, дающие смысл камертону, это, пожалуй, даже лучше, чем было бы оставлять забытым несменяемого Кони! Ломать потихоньку вернее даже поганое деревянное здание, чтобы при ломании не пострадали не строившие этого здания, дай Бог. А ты мне все-таки вышли штук 10 «На распутии» — нужно. Что ты скажешь о записке Пазухина?⁴ Особенно начало — правда, и сказано ясно, просто.

Очень мне хочется слетать проветриться в Вену, не знаю, можно ли мне будет исполнить это, недостает средств, авось, по милости Божией, как-нибудь сколочу и дерну.

За Петю Борисова уплачено до апреля, деньги есть в достаточном количестве, здоровье — нехорошо.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Москва, Плющиха, собственный дом.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 19 февраля 1885;
2) Москва, 20 февраля 1885.

¹ Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — выдающийся русский юрист, мемуарист, литератор, государственный деятель. Навлек на себя вражду официальных кругов после того, как в 1878 г. суд под его председательством оправдал революционерку В. И. Засулич, совершившую покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Тре-

пова. В 1881 г. Кони был отстранен от ведения уголовных дел, но в 1885 г., несмотря на неприязнь Александра III, по ходатайству министра юстиции Д. Н. Набокова и благодаря своим заслугам на службе в Петербургской судебной палате, стал обер-прокурором уголовно-кассационного департамента Сената, с 1891 г. сенатор.

² Имеется в виду *Фредерикс Александр Александрович* — барон, камергер высочайшего двора, гамбургский губернатор, почетный мировой судья Нижнего Новгорода и Нижегородского судебного мирового округа.

³ *Набоков Дмитрий Николаевич* (1826—1904) — статс-секретарь, министр юстиции в 1878—1885 гг.

⁴ *Пазухин Алексей Дмитриевич* (1845—1891) — действительный статский советник, алатырский уездный предводитель дворянства Симбирской губернии, затем правитель канцелярии Министерства внутренних дел. Вместе с гр. Д. А. Толстым, министром внутренних дел с 1882 г., провозгласил концепцию «обновления России», главная роль в которой принадлежала исключительно поместному дворянству, способному сохранить патриархальные отношения в деревне и защитить крестьянство от происков сельской буржуазии. В январе 1885 г. в «Русском вестнике» (т. 173) была опубликована статья Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос», о которой и упоминает Новосильцов. Начинается она словами о современном состоянии России, «смутном и неопределенном», и в основном посвящена исследованию двух сторон, как бы двух лиц России — России исторической, «верующей и способной на великие жертвы», и другой, способной лишь к разрушению, требующей конституции т. д. Пазухин также рассуждает о значении сословий, о земстве и делает вывод, что с объединением правительственных и земских органов управления достигается главная цель реформы местных учреждений — подъем авторитета власти.

31

9 (21) апреля 1885 г. Вена

Вена, 9/21 апреля 1885.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич!

Последнее письмо твое из Москвы я имел удовольствие получить и прочесть здесь, сюда я выехал в четверг на Святой и прискакал в субботу навстречу весне, которую нашел здесь в цвету в фиалках и проч. прелестях своего убора. Последнее время я в Петербурге немного хворал горлом и вообще дыхательными способностями, к тому же погода была мерзейшая, здесь я окунулся в старые прусские объятия, здесь у меня много добрых знакомых, которых я не забыл и которые мне тем же платят. Признаюсь даже, что я не ожидал увидеть то, что я видел и вижу: в иных домах и семьях меня приняли, как родного, давно отсутствовавшего члена, а я целый день то туда, то сюда. Посол наш Лобанов¹ там мне старый приятель и друг, сюда я приехал с более успокоительными вестями касательно англо-афганских дел,² вольно англичанам ставить свое существование на ребро, они затевали ставить ставку в

миллионы, когда мы медную гривну ставим им наперевес. Меня удивляет иногда мысль, как это англичане не смекнут, что их выгода и, скажу более, «спасение» — протянуть нам чистосердечно руку, а не паковать нам — Божия десница! Все, что они напридумывают хитро, рушится пеплом и стыдом на их же голову, мы же, сиволапые, как будто и не так ведем дело, а выходит хорошо. «Не нам, не нам, а имени Твоему»,³ — писалось в 1812 году с сознанием, что тут не наших рук дело. Дай Бог, чтобы внутренние наши дела устроились «по-Божьему» — на человечье мало надежды, говорят, людей нет? Люди есть и найдутся, но застилают их все попавшие в люди писатели проектов и реформ милютинских прошлого царствования;⁴ все они запрудели и Государственный совет и сенат, а новые, которым бы поклониться следовало, сами кланяться и тискаться не охочи! Хорошо уже и то, что государь не доверяет «прежним» и начинает сознавать ясно, что с теми людьми только мягко написано будет, а спать жестко! И за это благодарение.

Здесь тоже заметно утомление от того, что они называют «Judenwirtschaft»,^a но здесь все-таки по деревням не растревожили хозяйства, а у нас в провинции-то — худо, безвластие, прозябание изо дня в день в беспорядке и безурядица. Я здесь виделся со многими влиятельными личностями, они на нас смотрят с завистью, говоря: «das Princip ist noch bei Ihnen aufrecht erhalten wollen, damit können Sie wieder klug werden!».^b Дай-то Бог. Не хотел оставить твоего письма без ответа, извини за болтовню, отвел душу на родном языке, проветрюсь и прикачу, Бог даст, на Воин — в мае, вероятно, около середины, а то как-то зачах в своем соку! А французы? Боже, Боже, что у них творится. Как не порадоваться, что они нам пример покажут, поймут наконец, что, имея власть в руках, нужно ее ревниво и крепко беречь!⁵ Поклон и почтение Марии Петровне,⁶ тебе самому искренний поцелуй. Авось, свидимся благополучно и во здравье.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Russland. Moskau.

Москва, Плющиха, собственный дом.

Его Высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Варшава, 11 апреля;

2) Москва, 13 апреля 1885.

^a еврейский метод ведения хозяйства (нем.).

^b Принцип был вами соблюден, тем самым вы можете еще поумнеть! (нем.).

¹ *Лобанов-Ростовский Алексей Борисович*, князь (1824—1896) — русский посол в Англии в 1879—1882 гг., в Австро-Венгрии в 1882—1895 гг., министр иностранных дел в 1895—1896 гг.

² Имеется в виду так называемый афганский кризис, т. е. обострение русско-афганских отношений под влиянием Англии, возникшее во время продвижения русских войск на юге Туркмении в марте 1885 г. Афганские войска, снабженные английским оружием, перешли р. Кушку и заняли несколько высот; после их отказа очистить занятую ими территорию отряд русских войск 18 марта атаковал афганские части и разгромил их. Это до предела осложнило отношения с Великобританией, которая начала мобилизацию войск, однако конфликт удалось разрешить мирным соглашением 10 сент. 1885 г., установившим русско-афганскую границу.

³ Эти слова (Пс. 113, 9) писались на русских знаменах во время Отечественной войны 1812 г. (сейчас их можно увидеть, например, над могилой М. И. Кутузова в Казанском соборе).

⁴ *Милютин Дмитрий Алексеевич*, граф (1816—1912) — военный министр 1861—1881 гг., член Государственного совета, военный историк. Несмотря на критику его деятельности, нельзя забывать то положительное, что он сделал для русской армии, те коренные реформы, коснувшиеся всех отраслей ее управления: сокращение срока службы нижних чинов с 22—25 лет до 6, чтобы уменьшить численность войск в мирное время; введение всеобщей воинской повинности; организация юнкерских училищ, введение военно-окружной системы управления. Были приняты меры к улучшению довольствия солдат, для чего создавались особые полковые хозяйства; введено положение о военных госпиталях и даны большие денежные средства Медико-хирургической академии; в 1872 г. были открыты женские врачебные курсы. В 1863 г. было отменено наказание шпицрутенами, а наказание розгами ограничено благодаря новому «Уставу о наказаниях». Эти и другие меры для преобразования русской армии подняли ее на должную высоту, что обнаружилось во время русско-турецкой войны. Д. А. Милютин также принимал активное участие и в земской реформе: стоял за предоставление земству больших прав и большей самостоятельности, возражал против преобладания дворянского элемента при избрании гласных.

⁵ Реформы во Франции после установления в 1875 г. Третьей Республики приводили в ужас русских монархистов: законы о свободе печати и собраний, о многопартийности, о разрешении забастовок, политической пропаганды, свободной деятельности профсоюзов (принят в 1884 г.), о праве муниципальных советов избирать своего мэра и т. д.

⁶ *Мария Петровна* (урожд. Боткина) — жена Фета.

32

3 (15) июня 1885 г., с. Воин

3 июня 1885.

Станция Отрада
Село Воин

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, только что прибыл сюда, нашел твое милое, ласковое дружеское письмо от 18-го мая, на которое настоящие строки должны служить ответом.¹ Я сюда прикатил в субботу утром по пассажирскому поезду, чтобы не тревожить воинских мирных жителей появлением в 5 часов утра по почтовому, с курьерским же — не управился в Москве делишками

своими. По возвращении из Вены я съездил в Николаевскую лечебницу, не видел Пети, написал письмо Чечотту, главному доктору, — вести нехорошие пока, но всего глупее в письме Чечотта соображение о возможности приключения чего-нибудь в роде воспаления легких! Это можно предполагать во всяком человеке! Не будучи родственником, Чечотт как будто не признает за мною права вмешиваться — я его при свидании дернул, упомянув, что за собою сам признаю нравственное право принимать участие и проч., что я христианин и т. д. Он заговорил иначе, но это было перед его отъездом в отпуск, я виделся еще с другим доктором в той же лечебнице, более мне понравился.

Благодарю тебя за обещание побывать на Воине по случаю съезда 12-го числа, поедем вместе или возвратимся вместе, на Воине мы горюем и взываем о дожде! Бог даст, уладится, тяжело прошел минувший год, Бог милостив, авось и лучше будет!

У меня до тебя просьба, в которой ты не должен мне отказать. Выпиши ты мне сам 30 фунтов чаю хорошего и 30 фунтов помельче для людей, прикажи выслать на Отраду — и заплачу я тебе безо всяких счетов с конторой Петра Боткина сыновей! Знаю или, как говорят немцы, *ich vermuthen*,^a что это тебе надоест, но тряхни воспоминанием дружбы и послужи, не откладывая в долгий ящик.

Пишу тебе, что горюем о бездожде, и, пока писал, впрыснул маленький! И то хлеб. Лошади у меня пошли, слава Богу, хвастаться не стану, а при встрече покажу тебе!

Что скажешь ты о «несменяемости» судейской?² Понемногу наша берет и возьмет окончательно, безвластие, беспорядочность, безответственность, дурацкое крестьянское самоуправление³ пройдут, как сон, который по-французски называется *cauchemar*!^b Так что, друже, твое старание не пройдет мимо. С тех пор, как я здесь, стало быть, третий день, у меня перебивало — до разорения — крестьян! Дорого мне стоят эти свидания, но что же делать? Не в моей власти удалить причины безурядицы, в моей власти прийти на помощь по чувству христианина. Так мы и маракуем!

Целую тебя и прошу передать Марии Петровне мой сердечный привет. Смотри — распорядись чаем!

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в с. Воробьевку.
По Московско-Курской железной дороге
станция Коренная Пустынь.

Почтовый штампель: 1) [нрзб.] 5 июня 1885.

^a догадываюсь, предполагаю (нем.).

^b кошмар (франц.).

¹ Письмо Фета не сохранилось.

² Новосильцов затрагивает вопрос, волновавший и Фета, который в течение 11 лет исполнял должность мирового судьи. Законом от 20 мая 1885 г., проведенным Министерством юстиции, было поколеблено одно из основных начал судебной реформы Александра II: была ограничена несменяемость судей, гарантированная после утверждения в 1864 г. «Новых судебных уставов». За год до этого, 12 июня 1884 г., был принят закон об устранении целых категорий присяжных, о радикальном изменении тех статей, которые определяли право и обязанность быть присяжным. «Предметом нападений служила и служит, прежде всего, несменяемость судей, хотя после закона 20 мая 1885 г. о ней, собственно говоря, не может быть и речи. Повторять теперь старую песню о безответственных и полновластных судьях значит требовать <...> предоставления министру юстиции безотчетной и бесконтрольной власти перемещать судей с одной должности на другую, увольнять их от должности и от службы», — писал «Вестник Европы» в своем внутреннем обозрении (№ 11 за 1885 г.). Однако если судья подает основательный повод сомневаться в беспристрастном исполнении своих обязанностей, то, согласно новому закону, перемещение его совершенно справедливо может последовать по постановлению высшего дисциплинарного присутствия.

³ Крестьянское самоуправление стало результатом отмены крепостного права в 1861 г. В июне—июле 1861 г. в селениях бывших помещичьих крестьян появились органы крестьянского «общественного самоуправления», которые отвечали за поведение крестьян и обеспечение отбывания крестьянами повинностей в пользу помещика.

33

8 (20) августа 1885 г., с. Воин

Августа 8-го 1885.

Московско-Курская ж. д.
Станция Отрада
Село Воин

Любезный и милый друг Афанасий Афанасьевич, сегодня получил июльскую книгу «Русского вестника» и уже успел прочитать Фамусова и Молчалина.¹ Выпиши для меня экземпляров пяток, я pošлю отсюда с письмом к добрым людям. Буду ждать. Читал ли ты «Tristia»² Gustave Droz?² Если не читал, сию минуту пришлю тебе, будет чтение приятное и тебе по вкусу.

Денег разживусь на днях и пришлю уплатить мой долг чаю, что не прождешь долго.

Я немного простудился, кашляю, что не мешает мне с остервенением сажать сосенки из «моих» школ!

Когда же, Господи, вспомня классический стих «Le crime fait la honte et non pas l'échafaud»,^{b,3} прикажут сечь, пороть воров, коно-

¹ скорбная песня, элегия (лат.).

² «Преступление наказывается стыдом, а не эшафотом» (франц.).

крадов, лесокрадов и прочую отборную публику. Ведь даже досада берет.

Будь здоров и повергни меня к стопам Марии Петровны.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: Почтовый вагон 15, 6 авг. 1885.

¹ Статья А. А. Фета «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве» была напечатана в «Русском вестнике» (1885. Т. 178, № 7. С. 315—327). Фет в этой статье рассматривает историю русского дворянского сословия, начиная с Петра Великого, констатируя, что русское дворянство довело себя до положения вымирающего сословия, и процесса этого не остановить: оно уступило свои функции в государстве разночинцам, способствуя тем самым разрушению государственных устоев. Также в этой статье Фет вновь высказывает свою мысль о пагубности подчиненности художника какой-либо идее: «Гоголь, Тургенев и многие другие пошли загонять клинья мнимой идеи в свои произведения, раскалывая таким образом ту художественную идею, которая составляла их сердцевиной» (с. 324).

² Подразумеваемая «*Tristesses et sourires*» («Печали и улыбки») французского писателя Густава Дроза, Новосильцов дает латинское название элегий Овидия. *Дроз (Droz) Антуан Густав* (1832—1912) — мастер короткого жанрового рассказа, дебютировал как живописец, затем получил известность благодаря книге «*Monsieur, Madame et Bébé*» с живописными сценками из будничной жизни. В этом жанре написаны многие сборники его рассказов, в том числе и известный в России «*Tristesses et sourires*» (1884), представляющий ряд личных ощущений, художественно переданных.

³ Приводится строка из поэмы «Граф Эссекский» французского поэта и драматурга Тома Корнеля (1625—1709), брата известного Пьера Корнеля.

34

11 (23) августа 1885 г., с. Воин

11 августа 1885 вечером.

Московско-Курская ж. д.
Станция Отрада
Село Воин

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, письмо от 9-го текущего месяца получил и благодарю, ай да ответ в стихах поднесшей букет даме!! Распоряжусь тебе выслать на прочтение «*Tristesses et sourires*» par Gustave Droz, это сын философа Дроза,² сам он умнейший тонкого вкуса француз, каких теперь у них с каждым

днем меньше, есть у них Н. Taine да Droz! Это из так называемых молодых, le bel age monsieur, le bel age entre 15 et 40!^a Ты все про Шопенгауэра толкуешь, не спорю, не суюсь даже с каким-либо замечанием, но согласен с тобой, что подписка на монумент — смеха достойное дело у нас в России Шопенгауэру.³ Куда нам, не по плечу не только хвалить и почитать таких мыслителей, главное, почитать некогда, лучше прочесть какую-нибудь фантазию профессора Энгельгардта, или профессора Янсена,⁴ или профессора же Иванюкова⁵ и за этой швалью повторять ту же ерунду революционного, бестолкового и претенциозного социализма! И социалисты-то у них какие-то недоноски, ничему серьезно не научившиеся. Прочитай «Tristesses et sourires» и скажешь мне «спасибо» и пришлешь книгу назад — те книги, которые я прочту, я удостоиваю переплета. Читал ли ты в «Русском вестнике» довольно даже очень дельно написанную статью Новосельского «Обеспечение крестьян землей и земельный крестьянский банк»?⁶

Я только третьего дня вернулся из поездки в Малоархангельский уезд и по деревням, скажу, что общее впечатление могло бы хуже быть. Теперь я занят введением нефтяного отопления локомотивов, это прелесть — безопасно, чисто и дешево! Пуд в складе 45 копеек, в лавках 60 копеек, в один час работы сгорает пульверизатором около 3 фунтов, следовательно, 10 часов работы не дороже 50 копеек. А солома или дрова — несравненно дороже и хуже. Посевы почти кончены, пахота была трудная, но превозмогли, и нынешний дождь, как нарочно, пришел на помощь осовевшим агрономам, точно приказано садовнику из лейки полить посеянное место! Надеюсь, что у тебя все исправно.

В промежутке работ я пересаживал сеянцы сосновые, лиственничные и готовил гряды на посевы желудей! Завтра еду в Мценск на съезд мировых судей, у нас тут завелся хороший судья Иванов или Лемонт-Иванов, бывший военный, толковый и практический человек. Помнишь ли ты судью и бывшего одно время председателя управы некоего Гурджиа? Не знаю, что он и какой национальности выходец, у него сожгли гумно, которое он застраховал! Поди теперь, ищи поджигателя! Нет, так идти далее — нельзя, и, имея зрение, видишь эту мерзость, к которой стремится наша деревня, т. е. большая часть России, время еще не ушло! Но пора положить конец безобразию, скажу, как Бомарше в «Свадьбе Фигаро»: «Qui trompe-t-on ici?»^b

Посылаю завтра Галаховым⁷ персиков, которые у меня в нынешнем году очень хороши, и написал твоей племяннице письмо: как видишь, поддерживаю старые домовые связи!

^a в прекрасном возрасте от 15 до 40 самого расцвета мужской силы (франц.).

^b «Кого здесь обманывают?» (франц.).

Не забудь мне написать, который год лошадам, которыми ты меня облагодетельствовал, вороной и гнедой жеребчики, т. о. посмотри, когда они родились от Закраса. Мои лошадки идут себе, и двухлетки, и 3-х летки — хороши, боюсь сглазить! Жаль, что ты так мало побыл на Воине, не успел я тебе показать ничего. Выбери мне хорошую кобылу рыжую под верх и оставь на Грайворонке.⁸ Куплю за глаза, одну можешь уделить из ставки, что хочешь за нее назначить, то и дам — пусть ей 2 года или 3, отдам на будущий год в выездку и буду до конца дней моих ездить на ней. Подумай о сем и отпиши. После 1-го сентября расплачусь с тобою за чай, а теперь я настоящий *marquis d'Argencourt*!^c Очень старинная и именитая фамилия!⁹

Низко тебе кланяюсь и прошу меня повергнуть к стопам Марии Петровны.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

13 августа. Вчера со съезда я забрал с собою Н. П. Галахова, который у меня ночевал и сегодня улетел в Клейменово, пригласив меня обедать к себе, что я намерен исполнить часа через два, три. Галахов приехал ко мне на Воин с головою болью — мигренью — и я его уложил спать — так он не обедавши проспал до десятого часа, покушал немного и опять на боковую. Очень милый молодой человек, что называется *enfant de bonne maison*.^d Мценские деятели были в большом сборе, Шереметев, несколько братьев Ивановых, из коих одного живущего в Мценске мы избрали в питейную комиссию, открывающуюся с сего дня. Тимирязева и Угрюмова не было. Все кажется благополучно, и, если бы Государю угодно было немного взять дело в руки, т. е. приказать, чтобы безобразиям и безвластию был положен конец, — все бы обрадовались, — не знаю, как в других местах по России. Знаю только, что здесь либералы выродились и надоела всем дребедень, воспеваемая «Новым временем» и некоторыми газетами. Пора, право, пора, чтобы воров наказывали, безобразников держали в решпекте, но не с нашим губернатором настать этой эре (т. е. этому веянию). Правда, что про губернатора говорят, что он больше баба, чем Рыкин!¹⁰ А жена его, напротив, больше Рыкина, чем баба.

Преданный тебе и раскаивающийся за глупые 8 страниц, глупо написанных.

Преданный тебе И. Н.

Книгу пошлю тебе с Галаховыми. Право, скажешь спасибо.

^c маркиз д'Аржанкур, букв. — Безденежный (*франц.*).

^d ребенок из хорошей семьи (*франц.*).

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: Почтовый вагон 15; 15 авг. 1885.

¹ Имеется в виду стихотворение А. А. Фета «Е. С. Хомутовой (приславшей мне цветы)», написанное 7 авг. 1885 г.: «Цветы и песни с давних лет в благоухающем союзе...» (см.: Полн. собр. стихотворений А. А. Фета. СПб., 1912. Т. 1. С. 444 («Стихотворения на случай»)).

² *Дроз Франсуа Ксавье* (1772 — 1850) — отец романиста Густава Дроза — французский писатель-моралист и историк, член Французской Академии. Впервые стал известен сочинением «Искусство быть счастливым» (1831).

³ Интерес к произведениям немецкого мыслителя и философа Артура Шопенгауэра (1788—1860) в России возрос к концу 1860-х гг.: его читали, переводили на русский язык, в том числе и А. А. Фет. В своем письме к Фету в 1869 г. Лев Толстой предлагал ему переводить Шопенгауэра, что и было исполнено: в 1881 г. вышел в свет перевод книги «Мир как воля и представление», а в 1886 г. сделаны еще два перевода: «О четверичном корне закона достаточного основания» и «Воля к природе» (вышли одной книгой). Русское психологическое общество отмечало 100-летний юбилей Шопенгауэра в 1888 г., но идея о памятнике ему поддержана не была.

⁴ *Энгельгардт Александр Николаевич, Янсон* (а не Янсен) *Юлий Эдуардович* — см.: Часть I, примеч. 1 к письму 13 и примеч. 1 к письму 19.

⁵ *Ивановков Иван Иванович* (1844—1912) — русский историк, экономист, профессор финансового права Варшавского университета, затем Петровско-Разумовской земледельческой академии. Пользовались популярностью его работы: докторская диссертация «Основные положения экономической политики с Адама Смита до настоящего времени» (1881) и «Падение крепостного права в России» (1882). Доказывал в области экономической политики необходимость вмешательства государства и широких социальных реформ; сторонник традиционных форм русского хозяйства (общины, артели), считал, что основой жизни общин является общественная собственность на средства производства, а распределение должно осуществляться по количеству и качеству труда.

⁶ *Новосельский Николай Александрович* (1818—1898) — экономист, городской голова г. Одессы, член совета Министерства финансов. Его статья, правильное название которой «Обеспечение крестьян землей и поземельный крестьянский банк», была опубликована в июльском «Русском вестнике», т. 178 за 1885 г.

⁷ *Галаховы:* см.: Часть I, с. 211.

⁸ В имении Грайворонка Воронежской губ. у Фета был конный завод, и шталмейстеру Новосильцеву покупать у него лошадей было удобно. При описании же Новосильцевым своего хозяйства нельзя не вспомнить такое же трепетное отношение к своему имени Фета, о котором, например, писал Страхов в письме Толстому: «Своими лошадьми, своим сеном и проч. он восхищался, как ребенок. Лошадей называет своими детьми, а когда свозили сено и сто фур проезжали одна за другою, он видел в этом удивительную последовательность. Сено было снято при мне с большими волнениями по случаю перепадавших дождей, и потом в самом парке на опушке между дубами был воздвигнут исполинский стог. „Взгляни в лесу на бегемота, — говорил Фет, завидя его издали...“» (*Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями. М., 1978. Т. 1. С. 399).

⁹ Род маркизов д'Аржанкур действительно существовал во Франции. Наиболее известен Пьер д'Аржанкур, возводивший замок BroUAGE по приказу кардинала Ришелье.

Но Новосильцов, скорее всего, намекает лишь на буквальное значение его фамилии: не имеющий денег, безденежный.

¹⁰ Имеется в виду орловский губернатор, генерал-лейтенант Константин Николаевич Боборыкин.

35

21 августа (2 сентября) 1885 г., Воин

21 августа 1885.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, получил твое письмо с уведомлением, что лошадки рождены в 1878 году, я зубам не верил и скрадывал у них год, т. е. полагал их родившимися в 1879 году. Благодарю за обещание рыжей 110 рублей Шпоттгрейс — если лошадь по мне будет, буду надеяться и ждать. Свежая погода загнала меня в комнаты, читал, читал до одурения, потому что кончил чтением трех газет! И вынес впечатление, точно в куче сухих листьев рылся — пустозвоние, только и было интересного прочитать депеши о пребывании государя в Киеве.¹ Ты, вероятно, прочел о назначении Пазухина, Алатырского Симбирской губернии предводителя, председателем канцелярии министра внутренних дел;² это изобличает, что к нему и, следовательно, его мыслям питается сочувствие, по крайней мере, графом Дм<итрием> Андр<еевичем> Толстым!³ Можно сказать: «и то хлеб». Но мне этого мало, хотелось бы с сим познакомиться и узнать, каков он, простой ли, практический или тоже из породы реформаторов! Удивительное *signum temporis*,^a эта болезнь реформаторства, неужели обществу, устроенному государству непременно требуется беспрестанное реформаторство, ломка, переделка и, заметь: на новых основаниях. Да я бы такого управляющего со двора согнал, который бы все захотел переделывать, а не сообразовался бы с тем, что уже есть. Мой Власенко имеет этот недостаток, но я его осаживаю, и осаживаю иногда на строгом [нрзб.] так, что назад садится, а в таком виде не мешаю ему идти вперед. Каким образом образовался у нас «сборщик податей», это новое чиновничье лицо в уезде?⁴ Ведь проще было бы на рассуждение, что полиция постоянно отвлекается от своих занятий собиранием податей, отвечать: да кто же не знает, что без полиции немыслимо с мужиков собрать подати, и выйдет, что эта новая личность будет приглашать полицию себе в помощь — выйдет *idem per idem*,^b

^a знамение времени (лат.).

^b то же посредством того же, т. е. доказательство чего-либо посредством того же самого (лат.).

Кузьма с Демидом! По-моему — обременена полиция? отвлечена? ну — дай лишнего станового на уезд, где их три — дай пока четыре, вот уже и лучше будет и менее будут их отвлекать фискальные стороны их службы; а что же тут дурного, что полиция одновременно и собирает подати? В других государствах, мол, это не так, да я хотел плевать на другие государства, у нас это было, есть и идет недурно. А полицейская деятельность становых чем более всего парализуется? Своею немощию; о всякой дряни — протокол и к мировому судье, да таких протоколов, по которым будет разбираться дело, в одном Воинском стане — 70, и будет вызываться 70 раз становой к мировому, вот чем отвлекают становых, т. е. полицию, от исполнения полицейских обязанностей. И как все это просто, и почему этого не видят, глядя в подозрную трубку из Петербургской обсерватории на нас, грешных, в провинции. В Пулкове завелось чудное стекло (чечевица по-французски),⁵ и видно через него, что творится на Луне и на звездах. Отчего не заведут для министерств телескоп порядочный, а то, право — все эти государственные деятели (выражение современное) глядят в трубку и забавляются, как дети, смотрящие в калейдоскоп!

Понравилось мне твое рассуждение, что еще никогда тебе не приходилось слышать, что оттого охотник не стреляет утку, что их целая стая. Остро, умно и просто, а то все у нас метафизики Хемницера,⁶ или добросовестные или, что гораздо чаще, те же нигилисты, либералы или называй их, как знаешь! Жду от тебя твоего отзыва о «Tristesses et sourires» Droza. Я уверен, что понравится. Непременно тебя уведомя, если Сонечка, сестра, ко мне придет, и ее супруг. Я им отписал вчера лестный твой о них отзыв, они, вероятно, появятся в сентябре.

Написал, т. е. исписал, четыре страницы, и кажется мне, что написал глупо, все у меня вертится одна мысль: отчего это у нас со времени освобождения крестьян как будто заброшен компас, если сравнить правительство с судном? Не улучшить что-либо требуется, а «поставить на новые основания», хотя бы основания новые и были курьи ножки. Наверху самодержавный хозяин, а после уже нигде не будут придерживаться этого принципа, глаза царева, — прежде, в Наказе екатерининском,⁷ губернатор был этим глазом, а теперь пушена целая орда разношерстных зверей и каждый, для формы только, действует именем верховной власти. И суд и расправа. Почему бы, например, почетные мировые судьи не избираются раз навсегда, а каждое трехлетие подлежат новому избранию — ведь это прямо против значения предполагаемой независимости почетного судьи. Года два тому назад Голицын, так называемый Григри, сын покойного Фирса Голицына,⁸ будучи в продолжение 9 лет наказным атаманом на Урале, мне сообщил претензию некоторых калмыцких (или киргизских — не помню)

обществ, которым даровано было право избирать себе старшин. Они прямо сказали Голицыну, де как же хотите Вы, чтобы мы почитали начальника, которого сами выберем и сами можем потом не выбрать. Слугу я себе выберу, а начальника пусть назначит нам царь; позволит на него и пожаловаться старшему над ним, если окажется плохо! Вот тебе *ex oriente lux!*^с И Голицын мне сказывал, что ему трудно, даже невозможно было объяснить этим простым людям, почему дарованное право избрать должно было быть истолковано как особенная милость.

Все эти дни ко мне ходили бабы за советом и за помощью, многие из являвшихся приносили мне квитки о положенных ими на сохранение и проценты своих сбережениях, у кого 100, у кого 300 и более денег помещено, куда? — в общественные взаимные банки. Одним приходилось мне говорить, что, Бог даст, часть положенных сбережений им вернется, другим прямо говорил, что деньги у них украдены.⁹ Одна баба с мужем была у меня и так расходилась, что и унять ее было трудно: чего же губернатор и начальство смотрят, что белым днем бедный люд грабят! «Так-то, друзья мои, — ответил я, — свобода, — ты бы не клала в банк частный!». Не вобьешь ты им в голову, что тут казна может остаться в стороне. И скажем, как смеялись в 1830 году, *et les ministres responsables répondiront qu'ils ne répondraient pas.*^{д, 10} В № 20 августа есть отличная корреспонденция из Афин — прочти, если время будет.¹¹

Отлично ты написал, Хомутова поздравили, и благодарю за сообщение. Кончаю, прося чистосердечно прощения за галиматью настоящего письма. Написал, как говаривал один господин, не получивший классического образования, *currente calami* вместо *calamo*;^с он не понял, когда ему скаламбурили: «*le mo ne doit pas être mi de côté.*»^г Будь здоров, поклон Марии Петровне.

Тебе преданный И. Новосильцов.

¹ О пребывании царской семьи в Киеве постоянно сообщали телеграммы в «Московских ведомостях» начиная с 20 августа 1885 г. (№ 229): посещение Лавры, приветствие митрополита Платона, торжественный парад, прогулки по Днепру. Особое внимание уделялось тому, что во время этого визита император и его семья также посетили благотворительные учреждения Киева: училище слепых, рукодельную школу для бедных девочек и ремесленную — для мальчиков, Мариинскую общину Красного Креста и др.

² *Пазухин* — см. примеч. 4 к письму 30.

^с с Востока идет свет (*лат.*).

^д и ответственные министры ответят, что они не отвечают <ни за что> (*франц.*).

^с *currente calamo* — беглым пером (*лат.*); *calami* — тростниковые стрелы (*лат.*).

^г «мо» не должно быть «ми» сбоку (*франц.*).

³ Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889) — обер-прокурор Синода и министр внутренних дел в 1882—1889 гг.

⁴ 30 апреля 1885 г. собранием Государственного совета было утверждено положение соединенных Департаментов законов и гос. экономии об учреждении института податных инспекторов. По закону податные инспекторы (500 человек), являясь чиновниками казенных палат, должны были вести постоянное наблюдение за правильностью торговли, председательствовать в уездных присутствиях и т. д., однако главные их обязанности не были четко определены, о чем высказались некоторые члены совета (оставшиеся в меньшинстве) при утверждении данного положения.

⁵ Не по-французски, а по-немецки слово *Linse* означает и «линза», и «чечевица». По поводу «волшебного стекла» «Московские ведомости» 19 авг. писали: «Наша Пулковская обсерватория, как известно, обогатилась новым исполинским рефрактором. <...> Пулковский рефрактор — единственное в своем роде чудо. Неудачи, в последнее время постигшие попытки изготовить стеклянные массы для таких же громадных объективов, и трудности, которые пришлось преодолеть при выполнении заказа для Пулкова, дают достаточное право на такое мнение» (№ 228 за 1885 г., л. 2).

⁶ Хемницер Иван Иванович (1745—1784) — русский поэт, баснописец. Новосильцов напоминает о его басне «Метафизик», в которой дается обобщенный образ мудреца, пытающегося «сискать начало всех начал», «в метафизическом беснуясь размышленьем».

⁷ Знаменитый «Наказ» Екатерины II был составлен ею в 1767 г. для Комиссии об Уложении на основе передовых идей западных мыслителей. В ее «Наказе», в частности, большое внимание уделялось объединению губерний в генерал-губернаторства, которые должны были стать опорой в управлении империей.

⁸ Голицын Григорий Сергеевич, князь (1838—1907) — генерал-адъютант, командующий войсками Уральской обл. и Уральского казачьего войска в 1876—1884 гг., сенатор.

⁹ Вопрос о деятельности коммерческих банков обсуждался уже в 1872 г., когда был издан закон, значительно ограничивающий возможности создания этих банков в связи с различного рода спекуляциями из-за конкуренции банков между собой. В 1882 г. в записке министра финансов Н. Х. Бунге, касающейся новых правил относительно открытия новых акционерных коммерческих банков, также решался вопрос об упорядочении их деятельности в связи с многочисленными спекуляциями.

¹⁰ Возможно, имеется в виду положение во Франции перед началом июльской революции 1830 г.: вотум недоверия кабинету министров де Полиньяка палатой депутатов, роспуск палаты депутатов, назначение новых выборов, которые закончились победой оппозиции.

¹¹ В № 229 «Московских ведомостей» от 20 авг. 1885 г. на с. 4 была напечатана подробная статья за подписью «С.» о «бедственном и безнадежном положении», в котором оказалась Греция при управлении нового министерства Делиани, начавшего свою деятельность три с половиной месяца назад.

36

7 (19) октября 1885 г.

7 октября 1885.

Московско-Курская ж. д.
Станция Отрада, село Воин.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сегодня утром получил письмо твое от вчерашнего числа и приношу, т. е. спешу принести за

него выражение благодарности, передал г. г. Шангранам, или, правильнее, де Шангранам твой к ним привет. Погода у нас стояла великолепная, ныне хмурится, был дождь, но воздух еще не холодный. Когда мне можно будет помышлять о зимних квартирах? На зиму для ведения хозяйства и проч. сделал небольшой заем, все-таки лучше за 6 месяцев заплатить 2 1/2 процента, чем продавать по дурацким существующим ценам, с платежами, которые покупатель «отсрочивает» до лучших времен! Это отсрочивание и я сам умею соблюсти в тяжелый час, посему лучше отложить продажи до времен лучших — если такие должны явиться! Терпи, казак, атаманом будешь! Атаманства я ожидаю не ранее февраля или марта месяцев.¹

Рад, что ты Леонтьеву передал мое мнение о его творениях, умом и сердцем чистое произведение художественного таланта! Непременно достану себе его творения и прочту «со вкусом».² Соболезную о твоих тревоблениях в типографиях московских, удивляет меня, что в Москве трудно издать изящно! Разумеется, «Русский вестник» и «Московские ведомости» являют собой образчик безобразнейшей печати, бумаги, аккуратности в выходе в свет и проч.! Но, видно, так уж суждено консервативным или здоровым проявлениям мысли в России заманивать читателя, уже подкупленного своими убеждениями и не обращающего внимания на мерзостный внешний вид. Посмотри, напр<имер>, издания Стасюлевича, его «Вестник Европы»: гниль и мерзость внутри, а снаружи красиво, порядочно, чисто!³ Такова, видно, судьба наша. Восток, Россия, Славянство... баня в субботу, а в остальные дни как Бог пошлет! Если, глядя на чужую рану, легче переносить свою болячку, то, пожалуй, можно утешаться тем, что творится в Европе, т. е. утешаться в том смысле, что нечего терять надежду, что с Божией милостию у нас пойдет как следует, но все-таки трудное качество терпение, главная добродетель англичан и голландцев!

Сонечка и Зина⁴ поехали на маленькой лошадке в корзинке, правая лошадкой сами, я предпочитаю посидеть дома, погода непривлекательная. Шангран спешит воспользоваться отсутствием своей супруги, чтобы уснуть перед обедом, удалился к себе, я решил воспользоваться свободным временем, чтобы писнуть к тебе в ответ на твое письмо.

На днях я был в Орле, где заседает земское собрание с выбором мировых судей. Вероятно, то же, что и у нас во Мценске. Ты кончаешь письмо восклицанием, что у тебя дела так много, что ты несколько в чаду и что ты не будешь удивлен, если письмо твое мне покажется странным! Ничуть, напротив, чтение приятное, и добрые о тебе вести очень меня обрадовали. Граф Местр, le Conte Joseph de Maistre,⁵ писал как-то очень остроумно: j'ai en tant á faire hier au soir... que je suis allé me

coucher!^a Вот неожиданный вывод, но симпатичный. Не зная, с чего начать работу по юбилею, взял да пошел спать!

Кончаю еще анекдотом. Вольтеру жаловался некий родственник, что его приятельница пишет дурацкие письма с ошибками и проч. *Nanine sais aimer mais ne sais pas écrire!*^b Я, как Нанин, полагаю перо, прося тебя верить в искренность моей привязанности к тебе.

Тебе преданный
И. Новосильцов.

На конверте: Москва, Плющиха, № 481.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) почтовый вагон № 15;
2) Москва, 9 окт. 1885.

¹ Дело в том, что в 1885 г. на Государственном совете в разное время были приняты два правительственных положения: во-первых, повышение пошлин (и соответственно повышение цен) на ввозимые в Россию из-за границы сельскохозяйственные машины, и во-вторых, повышение пошлин на хлеб, вывозимый из России. Министр финансов Бунге считал, что «в связи с появлением на европейских рынках громадного предложения хлеба из Америки, Австралии и Индии <...> вывоз хлеба из России уменьшится, поэтому часть тех товаров, которые Россия приобретала за границей, оплачивая деньгами, выреченными за хлеб, придется или производить внутри страны, или покупать в меньшем объеме, так как в противном случае это отразится на ценности кредитного рубля». Чтобы создать условия для производства этих товаров в России, Бунге предлагал повысить пошлины для большинства импортируемых товаров в размере до 20% (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 527).

² *Леонтьев Константин Николаевич* (1831—1891) — политический и религиозный мыслитель и публицист, литературный критик. Новосильцов упоминает сборник его статей и трактатов «Восток, Россия и славянство», 1-й том которого вышел в свет в 1885 г. в Москве.

³ Научно-исторический журнал «Вестник Европы», редактором и издателем которого с 1866 по 1908 г. был Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911), имел преимущественно либеральное направление. В нем публиковались научные статьи, беллетристика, библиографические статьи, обзоры внутренней и внешней политики. Журнал пользовался популярностью в среде интеллигенции и имел репутацию «профессорского» журнала. Отличался постоянством штата сотрудников, среди которых было много знаменитых писателей, поэтов, историков (А. Н. Островский, И. С. Тургенев, А. К. Толстой, С. М. Соловьев, В. С. Соловьев). Политическое лицо журнала определяло внутреннее обозрение, в котором доказывалась необходимость переустройства России путем реформ на конституционных началах, критиковался как произвол правительства, так и действия революционеров. Сдержанность и академический тон статей вызывали раздражение у врагов журнала — в большинстве сторонников политики Александра III.

^a «У меня было столько дел вчера вечером, что я лег спать» (*франц.*).

^b «Нанин умест любить, но не умеет писать» (*франц.*).

⁴ Имеются в виду сводная сестра Новосильцова Софья Петровна де Шангран и племянница Зинаида Нечаева (урожд. Волконская); см.: Часть I, с. 188, 207.

⁵ *Жозеф де Местр* (1753—1821) — французский религиозный философ, один из идеологов европейского консерватизма. По определенному стечению обстоятельств оказался тесно связанным с Петербургом, на 15 лет назначенный сардинским посланником в России. В произведениях, написанных в этот период («Пять писем об общественном образовании в России», «Четыре неизданные главы о России» и др.), отстаивал господствующее положение дворянства, восхвалял абсолютизм и защищал крепостнические порядки. Его религиозно-философский трактат «Санкт-Петербургские вечера» (1821) долгое время был очень популярен в России.

37

9 (21) октября 1885, с. Воин

9 октября 1885.

Московско-Курская ж. д.

Станция Отрада.

Село Воин.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, вчера получил письмо твое и уже отвечал на него, сегодня ты еще порадовал. Отвечаю немедленно же: главный доктор больницы св. Николая Чудотворца — Чечотт, имя и отчество у меня в Петербурге на письменном столе, удовлетворить сейчас не могу, но ты можешь узнать в каждой аптеке, в имеющемся у них списке докторов. Живет он в больнице — по Мойке. Артур Андреевич Вагнер — это их доктор, приятель, живущий у гр<афа> Строганова¹ и поместивший бедного Петю, т. е. сдавший его с рук на руки — Чечотту. (Кажется, Оттон Карлович.)² К нему только, к Чечотту следует обращаться, — уплаты в больницу творит мой поверенный или конторщик Александр Антонович Глиноецкий, на Фонтанке, в доме княжны Любомирской. Кажется, все.

Сегодня пала старая моя верховая лошадь, находившаяся на пенсии и в оны дни купленная мною на Грайворонке у твоего брата Петра Афанасьевича.

Мой поклон Марии Петровне, а тебе мое рукопожатие.

И. Новосильцов.³

На конверте: В Москву, Площина, № 481,
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину,
в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон № 16, 11 окт. 1885;

2) Москва, 11 окт. 1885.

¹ *Строганов Павел Сергеевич*, граф (1829—1893) — действительный статский советник, гофмейстер императорского двора. Состоял в ведомстве Министерства иностранных дел, как и И. П. Новосильцов. Почетный мировой судья Тамбовского и Сумского мирового округа, почетный попечитель и директор Александровской сумской гимназии.

² *Чечотт Отто Карлович*, *Вагнер Артур Андреевич* — см.: Часть I, примеч. 2 и 4 к письму 14.

³ Внизу приписка рукой А. А. Фета: «Доктор Чечотт, живет в Петербурге на Мойке в доме № 124 больница св. Николая. Прием в 6, 7 и 8 часов. Имя и отчество его: Отто Антонович».

38

5 (12) ноября 1885

С. Петербург, Дворцовая наб., 26.
Ноября 5. 1885.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, очень мне хотелось побывать у тебя, когда я проезжал через Москву, да не удалось: меня затянули к себе добрые знакомые, и я не добрался до Плющихи, куда, однако, очень мне хотелось попасть. Племянница моя мне сопутствовала, и это отчасти имело некоторое влияние на мои движения в Москве, в день моего отъезда, совпадающий с днем рождения моей покойной сестры, я был у обедни на кладбище, после чего хотел забежать к тебе, но вышло, что забежать на Плющиху далеко.

Прибыв сюда, я еще до сего дня не осмотрелся, мало с кем виделся, вчера только, и то «слегка», переговорил с моим конторщиком, неким Глиноецким, который мне сообщил, что до половины декабря деньги за Петю внесены и что, кажется, остается небольшая сумма еще. Не очень давно была какая-то история, т. е. губернатор, ревизовавший больных, сделал запрос, и Глиноецкий, которому поручены взносы за бедного Петю, отвечал, что, сколько ему известно, распоряжения о пользовании в больнице приняты мною; что дальше будет — уведомя, ныне же ожидаю от тебя приказаний касательно официального твоего заявления, о котором мы с тобой говорили при последнем свидании.¹

Я уехал из Воина, потому что одиночество осенью при совершенном затишьи всякой деятельности в хозяйстве не имеет ничего привлекательного — напротив! Сообразив расчеты и осенив себя крестным знаменем, пустился в обратный путь, на зимние квартиры! Нева еще плескается во всем блеске, погода так себе петербургская, со вчерашнего дня выпал снежок, и по улицам даже пешком скользко ходить, ло-

шадей из деревни еще не выписывал, не на что. Авось, Бог милостив, как-нибудь и соберусь.

Нижайший поклон и сердечный привет Марии Петровне, жму тебе руку.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: В Москву, Плющиха, в собственном доме.

Его Высокоблагородию

Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые отметки: 1) С. Петербург, 5 ноября 1885;

2) Москва, 6 ноября 1885.

¹ Речь идет об оформлении опекунства над Петей Борисовым и его именными, а затем и о переводе Пети в Москву по желанию Фета. В своих воспоминаниях он писал: «Однажды, в начале 1885 года, я получил из Петербурга следующую телеграмму: „Петя болен; разбил у меня окно. Что делать? Новосильцов“. Я отвечал: „Отправить к доктору“. Таким образом он был помещен в лечебницу св. Николая, а я назначен опекуном к нему и к его имению. <...> Выбор мой остановился на прекрасной частной лечебнице, по соседству от нашего дома на Плющихе <...> Оставалось только перевезти больного из Петербурга в Москву, добившись формального увольнения его из больницы. В Петербурге я обратился за советом к тамошнему старожилу, шурина своему М. П. Боткину, который тотчас же объявил, что состоит попечителем больницы св. Николая и немедля готов исполнить мое желание, хотя не может уяснить себе, с какой целью я задумал перемещение больного, материальные условия жизни которого не оставляют желать ничего лучшего» (*Фет А. А. Воспоминания. М., 1983. С. 465—466*). Фет приезжал в Петербург и остался доволен условиями содержания и лечения Пети в больнице св. Николая. Петя находился там вплоть до своей смерти в 1888 г., а связующим звеном между ним и Фетом (как в духовном, так и в деловом отношении) остался Новосильцов, пожелавший быть неофициальным опекуном Пети.

39

10 (22) ноября 1885

С. Петербург. Дворцовая набережная, 26.
Ноября 10. 1885.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, это мое письмо — ответ на ответ. Ты послал «по всем правилам танцевального искусства» просьбу в губернское правление 15 октября.

Вчера я шмыгал к обер-полицейстеру, а потом был у здешнего губернатора. Поспешность этих моих посещений вызвана была: 1) чувством прирожденным и развитым аккуратности, 2) некоторым стечением обстоятельств. Заведующий моими делишками здесь, нский

Александр Антонович Глиноецкий, получил осенью запрос через полицию о том, что губернатор, случайно ревизовавший больницу святого Николая Чудотворца, видел Петю, признал его больным, но велел через обер-полицмейстера собрать справки, как, почему, что, кто привез, есть ли имущество и проч. Глиноецкий, не зная, что и как отвечать, сообщил, что я все это досконально знаю, буду в ноябре и за все про все отвечать могу. Пауза! Успокоено начальство. Я пишу тебе, ты отвечаешь, 16 октября и проч. и проч., я отправляюсь по начальству. Губернатор мне обещал заняться этим делом и, как только будет это сделано или решено по твоему ходатайству, меня уведомить. Вот тебе, следовательно, первое известие о деле.

Теперь касательно содержания остального твоего письма сообщу, но пока по секрету, что восстановление мировых посредников с частью судебной и карательной власти волостных правлений — решено в утвердительном смысле.

Сослужили и мы с тобой службу родине, я скажу про себя, как муха в басне: «мы пахали».

Официально я не представлялся государю, но в четверг на прошлой неделе я удостоился приглашения завтракать у их величеств в Гатчине. Пробыл с 1-го часу до 4-го и многое говорил и обо многом доложил, и обещал еще некоторые подробности, прямо и без обиняков сообщил, что необходимо упорядочение телесного наказания розгами — и, полшутя-полувсерьез, защищая сказанное, вспомнил и упомянул стих классический французский дореволюционный — *le crime fait la honte...* А у новейших газетных реформаторов-моралистов не то унизительно, что украл, лжесвидетельствовал и проч., а унизительно, что за такую мерзость ждет наказание!

Низко кланяюсь тебе и Марии Петровне, желаю тебе всего лучшего, особенно здоровья.

Преданный тебе
И. А. Новосильцов.

Собрался в Москву на один день на свадьбу моей племянницы Волконской, но рассудил, что нет оных^a и воздержался от поездки, к крайнему моему сожалению и досаде. Что делать? Ждать и уповать.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
Москва, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 11 ноября 1885;
2) Москва, 12 ноября 1885.

^a Т. с. денег.

12 (24) ноября 1885

С.-Петербург, Дворцовая набережная 26.

Ноября 12го 1885.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

вот я и опять пишу: вчера появился ко мне из участка участковый надзиратель с бумагой о Пете, из Губернского правления от 21 октября (следовательно, до получения твоей просьбы от 16 октября) сделан через обер-полицеймейстера запрос, в котором упоминается, что больного свидетельствовали, признали больным и разыскивают, что случилось с его имуществом и проч. Я дал письменно вчера следующего содержания отзыв: «На предъявленное мне отношение С.-Петербургского губернского правления от 21-го октября (II отделение, 5-й стол за № 4360) честь имею сообщить, что, распорядившись о доставлении в больницу св. Николая Чудотворца помянутого в отношении дворянина Петра Ивановича Борисова в сопровождении доктора Артура Андреевича Вагнера (жительствующего у Полицейского моста в доме графа Строганова), я одновременно отослал бывшие при Борисове вещи, хранившиеся у него в маленьком чемодане, родному (по матери) дяде его Афанасию Афанасию Шеншину, живущему в Москве, в собственном доме на Плющихе, а сим последним 16 октября текущего года подана просьба в С.-Петербургское губернное правление „об освидетельствовании умственных способностей его племянника и о назначении его опекуном над имуществом больного, которым он и ныне заведывает“». Подписал такой-то, т. е. я.

Хорошо я сделал, что уже успел побывать у губернатора по получении от тебя письма о той просьбе от 16 октября! Надеюсь, что это уладится скорее. Все это я тебе повествую «для сведения» и советую положить «ad acta».^a

Жму тебе руку, кланяюсь Марии Петровне.

13 ноября. Вчера, не дописав письма настоящего, я получил от губернатора прилагаемое письмо со справкой, ничего не доказывающей, сего же утра я настроил ответ губернатору — и ответ кончаю следующим: «Не взывайте за столь длинное послание: взявши на себя хлопоты по этому делу, я, как бульдог, имею способность приставать к великим мира сего, помогите мне и объясните мою способность надоедания желанием добросовестно исполнить то, что считаю долгом

^a В дело, в архив (лат.).

своим» — etc. etc. Вот тебе изображение верное, как в эту минуту стоит наше дело. Что дальше будет, о том уведомя, деньги за Петю уплачены до половины декабря и еще есть, сколько помнится, немного более ста рублей. Возвращать мне переписку с губернатором нет надобности. Ручательством за успешность моих хлопот служит моя бульдожья способность приставать, я еще сбегая и в губернское правление, а потом и в сенат! А ты пока наслаждайся своими классиками и готовь наслаждения другим, которые будут читать твои переводы.

Кончаю опять поклоном Марии Петровне, тебе жму руку, пребывая тебе преданным

И. Новосильцов.

Не забудь рыжей верховой, как я забываю выслать тебе 102 рубля для уплаты Боткинской конторе за чай, только что справлюсь — вышлю. И. Н.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину,
в Москве, на Плющихе, в собст. доме.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 13 ноября 1885;
2) Москва, 14 ноября 1885.

41

23 ноября (5 декабря) 1885

С. Петербург, Дворцовая набережная 26.
Ноября 23. 1885.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, отвечаю по номерам. 1) Деньги для взноса в больницу за Петю можно выслать или на мое имя, или на имя его благородия Александра Антоновича Глиноецкого, Караванная, дом Княжны Любомирской. 2) Сведения о гр. Гендрикове¹ — сколько мне известно, хорошие, я знаю отца и мать и брата, в полку узнать ничего нельзя, если бы и было, то товарищи не выдадут, — но, полагаю, что если бы что было дурное — не стали бы держать, а о нем не слыхать ничего, кроме хорошего, хотя в выражениях «общих».

Катулла получил и низко кланяюсь,² только разрезал листы, но не успел заглянуть с толком на предисловие, обращу свое внимание. Буду более всего поджидать Овидия,³ которого читал и переводил более других, потому что Юлий Карлович Фелькель⁴ его более других любил, и к Овидию идет качественное, тобою употребленное, «милого».

Страшное противоречие у Каткова ты замечаешь, но меня не удивляют в «журналисте» такие явления, и о журналистах я скажу — как говорил Собакевич — что «один порядочный человек в губернии — прокурор — да и тот «журналист»!»⁵ Многому бы нам поучиться в балтийских губерниях, а не вводить туда того, что всякий честный человек признает у нас дрянью. Другое совсем, когда дело идет о равноправности языков немецкого и русского в присутственных местах! И, пожалуй, начальных школах, но уж никак не в Дерптском университете! Да я убежден, что ни один порядочный человек и не может мыслить разное со мною об языке. Недобросовестность в суждениях, так называемая хамская претенциозность разночинца-уравнителя в газетах и в жизни — вот чего нельзя принимать за общественное мнение!

Низко преклоняюсь перед тобой и прошу передать мое сердечное почтение Марии Петровне.

Преданный тебе
Новосильцов.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в Москве. На Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 24 ноября 1885;
2) Москва, 25 ноября 1885.

¹ Речь идет об одном из братьев Гендриковых: о Дмитрие Андреевиче, полковнике корпуса жандармов (шефом которого был граф Д. А. Толстой, министр внутренних дел), или Василии Андреевиче, штабс-ротмистре, камер-юнкере.

² Сборник стихотворений Катулла вышел в 1886 г. в Москве в переводе Фета, с его предисловием и жизнеописанием Катулла.

³ Перевод Фета Овидия, который готовился в это время, увидел свет в 1887 г. в Москве. Издание называлось «XV книг Превращений Публия Овидия Назона. В переводе и с объяснениями А. Фета».

⁴ *Фелькель Юлий Карлович* — учитель немецкого языка, который жил в доме отца Новосильцова, Петра Ивановича. О нем Фет тоже писал в своих воспоминаниях: когда он в детстве приехал в Петербург с отцом и сестрой, они остановились у Петра Ивановича, и Фет там впервые увидел Ванечку Новосильцова, при котором уже был «рыжеватый немец Фелькель».

⁵ *Катков Михаил Никифорович* (1818—1888) — публицист, редактор и издатель газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», действительно был фигурой неоднозначной. Сторонник жесткого курса Александра III, центральной идеей своей публицистики он сделал обоснование самодержавия как власти, единственно возможной в России. С другой стороны, ненависть Каткова к новым пореформенным порядкам и учреждениям (судам, земству и т. д.) была тем сильнее, что он сам когда-то за них ратовал. Катков был главным вдохновителем университетской и земской контрреформ, резким его нападкам подвергалась судебная система (особенно независимость и несменяемость судей). Его постоянные конфликты как с правительством, так и с отдельными лицами вызывали неудовольствие самого императора, которому Катков был искренне

предан, считая себя «истинно русским». Стремление Александра III к «истинно русскому» приводило к националистической политике русификации в провинциях России, в частности в Прибалтике. В Дерптском университете (основан в 1632 г., вновь открыт в 1802 г.), который был преимущественно немецким по национальному составу студентов и преподавателей, отсутствовало официальное признание немецкого языка, насаждалось преподавание на русском языке, в гос. учреждениях в Прибалтике требовали разговаривать только на русском языке и т. д. Такие меры, естественно, вызывали недоумение и неприязнь людей высокой культуры (каким был Фет) и к политике царя, и к тем, кто ее страстно поддерживал — Каткову.

42

6 (18) декабря 1885

С. Петербург, Дворцовая набережная 26.
Декабря 6-го 1885.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, получил твое письмо от декабря 2 и благодарю, я с тобою отчасти согласен насчет Рабиновича, для меня это была новость, и я воздерживаюсь от мнения «твердого», не изучив или не познав серьезно предмета. Первое впечатление — в пользу высказываемых тобой мыслей, но подожду решительно высказаться перед тобою, однако сегодня виделся в Победоносцевым и с графом Дмитрием Андреевичем Толстым и успел в коротких словах обменяться несколькими мыслями: им дело Рабиновича известно и знакомо. Победоносцев сказал мне «зна-а-аю это, давно зна-а-аю Кишиневское дело, да это беспочвенное явление» — и хочется, и колется и проч. — от своих отстал, да к чужим не хочет пристать.¹

Толстой мне сказал, что мнение не есть еще религия, имеющая право опираться на поддержку государственной власти — в Америке бывает 30 различных толков, и не претендующих на поддержку, не возможную со стороны департамента вероисповеданий, но дышит, но дышит какое-нибудь мнение — и заглохнет без <последствий>. Я возразил слегка и как-то мимоходом: не есть ли в Рабиновиче явление серьезное, могущее иметь — с точки зрения правительственной — влияние на жидов? «Нет, скажу Вам, как сказал Константин Петрович (Победоносцев), я думаю, что это явление не серьезное, а беспочвенное». Я промышчал нечто вроде сомнения на эти заключения, а кончил разговор полушуточным восклицанием «впрочем, Вам лучше знать!» — и прекратил разговор, который по обстоятельствам и не мог иметь ничего серьезного, но при случае возвращусь к этому разговору, дабы узнать, насколько серьезно наши государственные люди относятся к жизни духовной и следят ли за ней, с политическими целью и путем, —

или просто замыкаются в обыкновенный чиновничий обиход день-ской! Боюсь, что приду к заключению о мертвящем влиянии обыден-ных занятий канцелярского характера... 300 рублей присоединяются к 175, еще имеющимся у Глиноецкого.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

Где Галахов Николай Павлович?²

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в Москве, на Плющихе, в собственном доме, № 481.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 7 декабря 1885;
2) Москва, 8 декабря 1885.

¹ Речь идет о еврейском погроме в Кишиневе в 1881 г., одном из тех, которые охва-тили весь юго-западный край России после смерти Александра II и стали массовыми в начале 1900-х гг. Именно с этого года, когда в связи с первыми погромами началась эмиграция российских евреев в Европу и США, отсчитывается печальная история анти-семитизма в России. Что касается Победоносцева, то ему приписывается высказывание: «треть евреев выедет из России, треть крестится, а треть вымрет».

² См. о нем: Часть I, с. 211.

43

30 января (11 февраля) 1886

С. Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Января 30-го 1886.

Милый друг Афанасий Афанасьевич,
давно нет у меня известий о тебе, утешаюсь смыслом французской поговорки «*par de nouvelles — bonnes nouvelles*»,^a но не мешает «аук-нуть», авось и откликнешься! О Петином деле я хлопотал в сенате, откуда в скором времени был ответ Петербургскому губернскому правлению, но затем я уже не знаю, как и что, — на днях пушусь за све-дениями, а может быть, тебе что-нибудь известно, прошу сообщить.

Теперь маленькое поручение: муж твоей племянницы и сосед мой Галахов прельстился некой кузой курточкой, которая мне служит с не-запамятных времен, в соседском радушии я вызвался ему такую куртку «построить» и поднести, хлопотал и в Париже с трудом отыскал бу-мажного полосатого бархату, который сносить трудно одной чело-

^a «Лучшие новости — отсутствие новостей» (*франц.*).

веческой жизни. Кожа менее выдержит победоносно испытания носки и терки, велел шить наподобие моей старой и на днях вышло тебе, т. е. на твой адрес, а ты уж потрудишься передать по назначению Николаю Павловичу. Надеюсь, что куртка будет впору и будет защищать осенью хозяина, пекущегося о благе хозяйства, несмотря ни на погоду, ни на непогоду. В моей куртке я обыкновенно сажаю саженцы в лесах и копышусь по всяким дебрям лесным и полевым, представляя непроницаемую броню несноснейшему из нападений или испытаний, т. е. ветрам.

Из деревни худого пока ничего не слышно, но и особенно утешительного мало, благодаря Бога все потихоньку да помаленьку — здесь зима серьезная, со снегом, из деревни писали, что после оттепели к новому году оголило местами поля и ледяная кора тревожит надежды на урожай, впрочем, все дело в весне, осень говорит «раскушу», а весна говорит «как я захочу»! Авось, Бог милостив, весна и захочет! У меня здесь пара рысистых лошадей, которых никак не могу сбить с рук: совался туда-сюда — нет покупателей, просто беда. Не знаю, как сообразить! Заплатил 2600 рублей, отдал бы с удовольствием за 1200, и то нет!

Поклон мой сердечный Марии Петровне. Жаль Аксакова,¹ честный был и талантливый человек и русский сердцем, ему приходилось часто действовать вроде медведя и пустытника, но все-таки честный медведь, не чета «интеллигентным». А из Лондона вести хорошие, пусть социалисты поломают там побольше стекол и ребер, авось перестанут откармливать злодеев и выпускать бешеных собак, сымая намордники, — на Божий мир!²

Жму тебе красивую руку твою и прошу не поминать лихом преданного тебе старого приятеля.

И. Новосильцов.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в Москве, на Плющихе, в собств. доме.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 30 января 1886;
2) Москва, 31 января 1886.

¹ *Аксаков Иван Сергеевич* (1823—1886) — публицист, общественный деятель, поэт, издатель, один из лидеров славянофилов, умер 27 января (8 февраля) 1886 г. в Москве. М. Н. Катков писал в «Московских ведомостях»: «Скоропостижная смерть Ивана Сергеевича Аксакова — вот событие, которое отзовется далеко. Его помянут всюду. О характере его политической деятельности могут быть разные суждения, но о нем как о человеке разногласия быть не может между всеми его знавшими <...> Мы шли с Иваном Сергеевичем близко друг от друга, но, к сожалению, редко нам доводилось действовать согласно и союзно. Теперь <...> не время для суждений и оценок. Лучше помянем и

порадуемся, что покойный, отходя, взял с собою неотъемлемое сокровище веры Христовой, не искаженной суемудрием...» (№ 29 от 29 янв. 1886 г.).

² Имеются в виду тревожные события в Англии: «...толпы черни из Гринича и Дейтфорда идут к Лондону, разбивая по пути окна в домах. Сильное возбуждение господствует в южных и восточных предместьях. Лавки закрываются <...> По словам „Дэйли Телеграф“, правительство возбудит судебное расследование против социалистов, которые третьего дня держали возмутительные речи» («Телеграммы» в «Московских ведомостях», № 30 от 30 янв. 1886 г.).

44

2 (14) апреля 1886

С. Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Апреля 2 вечером, 1886.

Сегодня получил письмо твое от 30 марта и сегодня же хочу начать ответ — это признак удовольствия, с каким я прочел твой первый привет из деревни, любезный и дорогой друг Афанасий Афанасьевич, но, узнав, что ты уже поселился на летние квартиры — до Пасхи, меня это немного удивляет: где, в какой церкви будете, ты с Марией Петровной, стоять заутреню, а потом обедню, а потом семейное разгавливание, ведь в Москве, вероятно, ты присоседился к Боткинской семье! Не все же они интеллигенты на новый образец! И не брезгают же они ни обедней, ни всем торжеством Великого дня? Понимаю, что хотелось тебе в деревне быть при первом пробуждении весны, хотелось повидать, как гусак не без удовольствия начинает свою летнюю навигацию, а я, батюшка ты мой, простудился, страшно охрип, кашляю и, как нарочно, на дворе — рай, Нева, как зеркало, у меня перед глазами, теплынь: 12, 14 градусов тепла в тени! неведомое здесь, в Петербурге! а я сижу дома. Кашляю и мучаюсь хрипотой и болью горла! Несносно.

В прошлом году я уж был в Вене и там нашел лето полнейшее, две недели уже ходили там в белых панталонах, как пришлось с удивлением прочесть, что зима прошла! А нынче старожилы не запомнят такой погоды в Петербурге. В деревне, пишут, тепло, сеять собираются, не мешало бы и дождя! Ну и начинается ежегодное и ежедневное пожелание всяких атмосферических явлений, какие кому нужны. Если, Бог милостив, поправлюсь, то хотелось бы мне съездить (не для свидания, которое для меня и для больного было бы тяжело), но съездить, чтобы узнать подробно, как и что, и не лучше ли бы перевести его на Финляндскую железную дорогу, где и воздух лучше и вообще все как-то уютнее, привольнее, не так мрачно, как в Николаевской больнице. Меня эти мысли зачастую посещают, и хочется мне, благо я на месте,

воспользоваться, и, Бог даст, Петя и выздоровеет, сначала было и сказали мне так, а в прошлом году — другое, не отрадное!

Ты мне пишешь о Головине, пишем под своим именем все свои серьезные статьи в «Русском вестнике», его самый замечательный труд «Наша сельская община». Беллетристические произведения своей фантазии он подписывает Орловский, не удостоивая их настоящей подписи; этот милый, замечательно умный, молодой человек, ныне ослепший и еледвигающийся от паралича, мать его Хитрова, дочь известного Хитрова, генерал-контролера при Николае Павловиче, сестра матери была за князем Суворовым. Сам Головин кончил Петербургский университет первым кандидатом-словесником!² То, что он пишет о крестьянстве, о разведении гнили под названием самоуправления, о народном вековом допетровском порядке, все понятия, которыми до сего дня еще путают дураков, но уже путают дураки, а не мерзавцы, которые очень хорошо знали, что делали и куда шли! Первая станция 19 февраля, вторая — упразднение выборной полиции от дворян и новые суды и, наконец, 1 марта!³

А посмотри-ка теперь, какая работа с так называемыми чиншевицами на юго-западной Руси и в Польше, ведь если им дать надел — то как же понимать слова государя к волостным в Москве?⁴ Посмотрим и поглядим, как из этого выйдут. Еще спишемся и споемся, и я считаю для себя отрадой иногда высказаться в письме к тебе о житейских беспорядках, гадостях, глупостях и порадоваться, когда вдруг увидишь противное, т. е. что видишь здоровый, твердый, светлый взгляд на вещи. Я понимаю тебя с твоим Шопенгауэром — но не иначе как гимнаста, любящего трапедии и всякие умственные кувыркания! *La vérité n'est que dans l'humilité, l'amour et la foi toute troublée qu'elle ne soit par moment — mais toujours dominée et reprenant sa force dans l'humilité et l'amour de Dieu pour nous et de nous pour Lui.*⁴ Прости — никогда не буду! ни гу-гу!

Метаморфозы Овидия! над которыми я потел, плакал и подолгу сиживал, глядя в продолжение часа, по крайней мере получаса, во все стороны, а не в книгу, — метаморфозы, которые все-таки занимали меня более Горация и Виргилия и которые я — читая до сего дня — понимаю! Хотя то тут, то там вокабул соскочил с памяти и пал в вечность.

Ты пишешь о рыжей кобыле? Во всяком случае, не спеши, если она хороша будет, то найдется ей место, я ей уступлю свою комнату! Не ду-

² Правда же состоит лишь в смирении, любви и вере, как бы она ни колебалась порой, — но всегда преобладающей и возрождающейся в смирении и в любви Бога к нам и нас к нему (*франц.*).

маю быть к 12 мая на Воине, грустно мне туда добираться, рано, и сидеть одному долго! Да придется, вероятно; дам тебе знать в Воробьевку о моем появлении, если жив и здоров доберусь до своясей. На днях выслал туда из Берлина новых розанов, надеюсь, что будут цвести хорошие. Бог даст, лошадки будут — было бы чем кормить! При всеобщем безденежье, прямо наступившем в эпоху сумасбродной роскоши, переход труден, но то же самое слышно и в Вене, и в Лондоне, и в Париже, и в Берлине! Мне от этого не легче, *cela peut-il me consoler d'avoir une verrue quand j'en vois une plus grande que la mienne chez le voisin*. Ответ: *il faut être bien véritablement bon pour que cela ne vous fasse pas un tout petit peu plaisir*.^b

Поклон мой Марии Петровне, не поминай лихом искренне преданного тебе

И. Новосильцова.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 4 апреля 1886;
2) Москва, 5 апреля 1886.

¹ Принимая во внимание основное значение слова «интеллигент» (человек глубокой внутренней культуры и самостоятельного мышления), можно сказать, что братья Марии Петровны Боткиной, жены Фета, были истинными интеллигентами: Сергей Петрович Боткин (1832—1889), знаменитый врач-терапевт; Михаил Петрович (1839—1914), художник; Василий Петрович (1811—1869), писатель, друг В. Г. Белинского; Дмитрий Петрович (1820—1889), известный собиратель картин и знаток искусств. Ирония Новосильцова связана с новыми веяниями в умах русской интеллигенции начиная с 60-х гг., которые приводили к безбожию, нигилизму и т. д. Чаше это происходило в среде врачей, естественников, людей, более далеких от среды духовной, поэтому, возможно, имеются в виду С. П. Боткин и его сын Евгений Сергеевич, который тоже был врачом.

² К. Ф. Головин был юристом, а не словесником (в 1859—1862 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета). С 1863 г. он служил во II Отделении собственной его величества канцелярии, затем в Министерстве гос. имуществ, быстро продвигаясь по службе. Однако прогрессирующее заболевание спинного мозга привело его к полной неподвижности и в 1881 г. к полной потере зрения, но он продолжал на дому свою активную служебную и литературную деятельность (см. также примеч. 8 к письму 29).

Работа Головина «Наша сельская община» была напечатана в двух томах «Русского вестника» (т. 179 и 180) с октября по декабрь 1885 г., и в ней обсуждались многие вопро-

^b Может ли меня утешить в том, что у меня бородавка, тот факт, что у соседа она еще больше? Ответ: надо быть на самом деле добрым, чтобы это не доставило вам ни малейшего удовольствия (*франц.*).

сы, касающиеся общинного землевладения в России: типы земледельческого селения, словная организация земледельческих селений, внутреннее устройство крестьянского общественного управления и т. д. «Любимым доводом противников общины, особенно в прежние годы. — писал автор в 1-й части, — было сравнение нашего экономического быта с европейским <...> Но правильная оценка поземельной общины может быть всего вернее достигнута изучением того, как она отражается на благосостоянии крестьян» (Т. 179. С. 607). В 1887 г. этот труд вышел отдельной книгой в типографии М. М. Стасюлевича.

³ 19 февраля 1861 г. Александром II был принят Манифест, провозглашающий отмену крепостного права. Судебная реформа предусматривала бессословность суда и независимость его от сословной власти, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом и т. д., что, безусловно, было огромным шагом вперед. 1 марта 1881 г. — день последнего покушения на Александра II и его смерти.

⁴ *Чиншевики* — арендаторы земли на основе чиншевого права бессрочного потомственного пользования землей. Эта форма землепользования возникла в средние века в Германии, затем распространилась в Польше, на Украине, в Белоруссии и Литве. Число чиншевиков было достаточно велико, и это была наименее обеспеченная часть крестьянства. Их положение ухудшалось, так как помещики повышали арендную плату, а при невозможности получения таковой могли выселять чиншевиков, что приводило к массовым жалобам и крестьянским волнениям. В начале 1882 г. была создана комиссия из представителей различных министерств, администрации Юго-Западного края и землевладельцев, в результате деятельности которой была составлена «Записка о поземельном устройстве быта сельских чиншевиков» и направлена в Государственный совет. Александром III был утвержден закон о чиншевиках, согласно которому всем чиншевикам предоставлялось право выкупа земель с оформлением выкупной суммы, которая погашалась в течение 49 лет, по 6% ежегодно.

45

4 (16) мая 1886

С. Петербург, Дворцовая набережная, № 26.
Мая 4-го 1886.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,
посылаю тебе как опекуну над бедным Петей нечто вроде отчета по уплаченным в больницу за его содержание деньгам: в настоящее время у Глиноецкого на руках еще 100 рублей, собственно до 24 августа может быть уплачено имеющимися суммами, хотя не следует считать в обрез либо в виде прибавки = 25 рублей для папиросок или каких лакомств предоставляется больному приобретать сверх суммы за необходимое; уж так бы мне хотелось как-нибудь устроить пока, чтобы перевести больного на Финляндскую железную дорогу — в заведение, устроенное нынешним государем, когда еще он был цесаревичем. Что сделаю в этом смысле — сообщу тебе, разумеется.

Я с самой вербной хвораю, т. е. простудился шибко в день Благовещения, да потом еще надбавил и все запустил, да охрип, кашляю,

чихаю до опасности хронической простуды, слава Богу, что еще повернулось так и обошлось без воспаления — там в легких или не легких, как тому радовался доктор, — я теперь присмирел и добросовестно высидел дома и берегся, слушаясь раболепно советов и приказаний доктора, слава Богу, выползаю понемногу. Сегодня, несмотря на дождь и незавидную погоду, не выдержал, съездил к обедне, которой я с самой Пасхи не слышал, а для меня это лишение не из последних.

Известный ультрасветский писатель, умнейший и остроумнейший граф Жозеф de Maestre, брат нашего Xavier, написал раз как-то: «l'hipocrisie commence á vêpres!».^a Я тоже не особенно жалуя всенощную, а обедню просто люблю! И как-то молишься лучше за обедней, хотя молиться мне от всей души приходилось верхом, катаясь в наших лесах и по берегам Оки часто вечерком. Не знаю еще, как соберусь на Воин, ты удрал из Москвы *esopomiae causa*,^b вот словечко из кухонного латинского наречия, — а я не могу выехать отсюда по той же причине: то нужно, другое, третье, денег здесь оставить, с собою захватить. А где они? тью-тью! Бог милостив, может быть, и откликнутся, не все же им играть в прятки! А признаюсь, скучно это. Если, Бог милостив, можно будет — поеду отсюда в конце или середине мая — ко второму числу приказано на Воине всему быть наготове, и повару, и прачке, и проч., и проч., поправкам по дому, оранжереям, конюшням и проч.

Будь здоров, поклон мой сердечный Марии Петровне, не поминай лихом искренно преданного тебе

И. Новосильцова.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в село Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 5 мая 1886;
2) Москва, Южн. ж. д., 6 мая 1886.

46

13 (25) мая 1886

С. Петербург, мая 13го 1886.

Дворцовая набережная, № 26.

Любезный и милый друг Афанасий Афанасьевич, сейчас вторично прочел письмо твое от 10-го мая, полученное мною вчера: начну отве-

^a «Лицемерие начинается с вечерни» (франц.).

^b по причине бережливости (искаж. лат.).

том с конца твоего письма, а именно коснусь мысли твоей о Пете! Само собою разумеется, что это мысль благая: перевести его в Москву,¹ уже не говоря о том, что здешние психиатры выдумали психопатство и, будучи «высоко научно образованны», собственно пустые неучи с направленьем! В Москве же живы предания Саблера,² и христианина и умного человека. Меня мучает мысль, что я не езжу посмотреть на Петю, но, не будучи в состоянии принести ему пользу своим присутствием, я всячески отвиливаю от тяжелого впечатления.

Жаль мне, что поля твои не радуют тебя! Очень жаль; мои известия из деревни так себе, на Воине рожь, называемая шампанскою, «редковата». Пшеницы я не сеял ни одной десятины в прошлом году — это первый раз с тех пор, как у нас существует хозяйство, и пришел я к этому вследствие всяких рассуждений, взял, да и не посеял ни одной десятины — из озимых полей у меня только рожь, различных сортов и качеств! Лучше ли это будет? Посмотрим. Надеюсь, что твоя поездка в Грайворонку тебя порадует — желаю этого тебе искренно. У нас здесь погода мерзкая — холодно, и я все-таки чихаю, кашляю, хриплю, и все kann nicht meinen Schnupfen und Husten los werden.^a Выхать отсюда в деревню пока не могу за безденежьем, лошадей пару рысистых Лейхтенбергского завода никак не могу продать и за полцены, просто гадость: продал бы и удрал бы восвояси.

Не может ли тебе Сергей Петрович Боткин быть полезным для перевода Пети в Москву? Ну, пока будь здоров, не поминай меня лихом и обрадуй на Воине, если я туда доберусь, о чем тебя уведомя письменно, когда буду на месте. Нижайший поклон Марии Петровне, а тебе nimm freundschaftlichen Küss.^b

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, сельцо Воробьевка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 13 мая 1886;
2) Москва, 14 мая 1886;
3) Москва, 15 мая 1886.

¹ См. примеч. 1 к письму 38.

² Саблер Василий Федорович (1797—1877) — психиатр, с 1832 по 1871 г. гл. врач московской Преображенской психиатрической больницы.

^a не могу избавиться от насморка и кашля (нем.).

^b дружеский поцелуй (нем.).

2 (14) июня 1886

2 июня 1886.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, 3-го дня приехал восвояси и Бога благодарю, что приехал, погода теплая, авось, по милости Божией, справлюсь с горлом и насморком легче, чем в Петербурге, где я оставил 3 градуса тепла и ветер, мерзейшую весну. Здесь идут дожди теплые, окрапляющие хлеба, трава и проч. Полагаю, что посижу дома с половины месяца, а что дальше будет, не знаю, да и не заглядываю вперед далеко. Для гулянья, пожалуй, дождь помеха, но слишком радостно на всех влияет настоящая погода, чтобы осмелиться критиковать.

К сожалению, приехав утром в 10-м часу, застал большой переполюх: сгорели здания всего духовенства — священника (отличного, умного, примерного), дьячка мерзкого и дьячка хорошего, и две крестьянские усадьбы, от которых и пошел пожар, чтоб им несолоно хлебать. Для меня это, разумеется, очень накладно, но ты меня знаешь: не то беда, что на деньгу идет, а то беда, что на деньгу не идет. Бог даст, справимся и, как в «Горе от ума», скажем, Бог даст, со Скалозубом: «пожар способствовал ей много к украшению».

Поклон и сердечный привет Марии Петровне.

Видел Глиноецкого, который все исполнит, что ты ему приказал, ах, как бы я Бога благодарил, если бы удалось тебе Петю в Москву переташить.

Не поминай лихом преданного тебе старого друга

И. Новосильцова.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в село Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: Почтовый вагон № 15; 4 июня 1886.

19 (31) августа 1886

Августа 19го 1886.

Здравствуй, перездравствуй и покорно благодарю, как говорил старик Текучев, живший у нас и которого ты, вероятно, помнишь. Се-

годня утром получил твое письмо от вчерашнего числа. Я сюда вернулся 19-го утром, прорыскав месяц по всяким странам, 4 раза был в Варшаве, два раза на различных пунктах австрийской границы, и «кувырканию», как ты выражаешься, дома, т. е. в Петергофе, Петербурге, Красном Селе и проч., не было конца,¹ до одурения устал, отвык от этого образа жизни и рад был вернуться в спокойные веси! Прощаясь с государем, сообщил, что пора мне домой. «Ну, — сказал государь, — опять к себе на Воин, знаю, что не следует говорить „в“ Воин, не принято, а будете Вы там пицать, жаловаться и проч., что то дожди, а то засуха, а то еще что-нибудь найдете». «Найду, — отвечаю я, — без сомнения, найду, и, если Бог судит мне возвратиться в Петербург будущей осенью, опять буду беспокоить Ваше Величество моими на месте собранными сведениями о том, как живется нам в захолустьи, — не буду скрывать, я скажу правду — так, как и видеть буду». «В этом я уверен, — был мне ответ, — отправляйтесь с Богом в деревню, отдыхайте и будьте здоровы!». Вот сего последнего поручения я как-то не исполняю, все мне то одно, то другое, дышится скверно и вообще не похвалюсь здоровьем в нынешнем году, после шибкой простуды весной, от которой нет-нет, да остались следы; что Бог даст впереди!

Очень рад был прочесть твое милое письмо, заставшее за окончанием статьи Циона «Нигилизм и нигилисты», «Русский вестник» за июнь и июль, написана статья отличнейшим языком, просто, дельно.² Я уверен, что ты ее читал. Не могу привыкнуть к мыслям, которые мне приходят на ум, когда оглядываешь то, что делалось в прошлое царствование! Не было бы у меня теплой веры в милость Божию, хранящую Россию, — екнуло бы сердце при обзоре минувших «деяний». И какая последовательность в уничтожении власти и к подготовке революции! Свежо предание, а верится с трудом! Нужно, необходимо сознать это, глубоко понять то состояние, в которое нас втащили прошлые деятели, и вылезти вон на свежий воздух, не говорю вылезти скачком, а тихим, мерным шагом вернуться, или, чтобы не употреблять этого слова, — стать на прямую дорогу и идти, не сворачивая.

Последнее время всех взволновали события болгарские,³ выгнали Баттенберга, да, вероятно, он не нынче, так завтра в другую дверь вернется! Что мы будем делать? Как поступим? Займем ли Болгарию войском? И проч. и проч. вопросы, на которые у меня копошится в душе и в уме один ответ, в виде рассуждения: чем менее мы вмешиваемся в такие дела, тем наше дело более выигрывает — с людьми, сформировавшимися в прошлое царствование, нечего соваться, помнишь стихи «чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей»!⁴ А поверь, что в политике это так! Установим уговор, напр<имер>, с болгарам, это вы ли нам нужны? Или мы вам? Установив это поня-

тие и заставив их понять, что мы им нужны, отвернемся и посмотрим в другую сторону, — и все придет понемногу в настоящий вид.

Многое еще хотелось писать, да боюсь надоест, а чувствую я, что взгляд мой на вещи трезвый, здоровый. В бытность мою в Петергофе мне пришлось обменяться мыслями с вел<иким> кн<язем> Владимиром Александровичем,⁵ — у меня, между прочим, вырвалось следующее выражение: «Неужели, — сказал я, — станем мы прививать к балтийским губерниям ту галиматью, от которой мы сами задыхаемся?». «Dieu nous en préserve!»^a — был мне ответ.

Поклон Марии Петровне и прости мне длинное и скучное письмо.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в село Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: Почтовый вагон [нрзб.], 20 августа 1886.

¹ «Кувыркания» Новосильцова связаны с приездом в Россию эрцгерцога и эрцгерцогини Австрийских 22 июля 1886 г., о чем писали газеты. «На время пребывания их высочеств в России назначены состоять при эрцгерцоге генерал-адъютант Мердер, а при эрцгерцогине — шталмейстер Новосильцов, которые встретили их высочеств на русской границе»; «28 июля эрцгерцог Карл-Людвиг и эрцгерцогиня Мария-Терезия с лицами своей свиты и в сопровождении генерал-адъютанта Штюрлера и шталмейстера Новосильцова выехали по железной дороге в Царское Село» и т. д. (Московские ведомости. № 200, 210 от 22 июля и 1 августа 1886 г., с. 3).

² *Цион Илья Фаддеевич* (1842—1912) — физиолог и публицист, с 1872 г. профессор физиологии Петербургской медико-хирургической академии, из которой был уволен в 1875 г. из-за серьезных морально-этических разногласий со студентами и преподавателями. Став активным сотрудником «Московских ведомостей» Каткова, посвятил себя политике и финансам. После смерти Каткова — финансовый советник при русском посольстве во Франции, затем после своих нападок на русское финансовое ведомство был осужден к изгнанию из отечества. Опубликовал труды: «Нигилисты и нигилизм» (1886), «Нигилизм и анархия» (1894), «Месье Витте и русские финансы» (1895) и др.

Работа «Нигилисты и нигилизм» впервые была опубликована в «Русском вестнике» (№ 6—8 за 1886 г.) и представляла собой жесткую критику революционного движения и еще большую критику русской либеральной мысли. Однако о химерах коммунизма у Циона есть провидения, ставящие его в один ряд с крупнейшими мыслителями: «Раньше, чем приступить к разрушению в течение тысячелетия сложившегося государственно-го строя сотни миллионов народа, было бы не лишним спросить себя, чем, собственно, собираешься заменить этот строй, да и к стати не мешало бы сказать и этому стомиллионному населению, хотя вскользь, к какому благодатному будущему стараешься его вес-

^a «Сохрани нас от этого Господь» (франц.).

ти и ради каких будущих благ теперь хочешь подвергать его всем египетским язвам...» (Русский вестник. 1886. Т. 183. С. 751).

³ Речь идет о положении на Балканах, когда свергнутый в результате переворота 9 августа 1886 г. князь Александр Баттенбергский вернулся в Болгарию и направил телеграмму Александру III, спрашивая его мнения о своем возвращении на пост главы государства. Телеграмма заканчивалась фразой: «От России принял я корону и готов сложить в руки ее владельца». Ответ царя был отрицательным, что и решило судьбу Баттенберга, который 25 августа отрекся от престола (см.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 545, 547).

⁴ Неверно процитирован А. С. Пушкин: правильно — «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей» («Евгений Онегин», гл. 4, строфа VII).

⁵ *Владимир Александрович* (1847—1909) — вел. кн., брат Александра III, генерал от инфантерии (1880), командующий войсками гвардии Петербургского военного округа (1882—1905) и президент Академии художеств с 1876 г., был самым близким императору человеком из всей императорской фамилии и пользовался его расположением. Новосильцов занимал квартиру именно в его дворце, на Дворцовой набережной, 26 (постр. в 1874 г., арх. А. И. Резанов), поэтому мог часто встречаться в неофициальной обстановке с ним и с императорской четой, приезжавшей в этот дом.

49

22 августа (3 сентября) 1886

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, только что писал тебе в ответ на твое милое и дружеское письмо и пишу опять, но на сей раз с определенною целью, а именно: 3-го дня я собрался в Клейменово к твоей племяннице, обедал у них — одним немецким выражением, *meine Grußzwangung gemacht oder abgestattet*,^a как говорят венцы. У нас с Галаховым зашла речь о кобылах рыжих, которыми ты нас благодетельствуешь, но тут у нас вышла конфузия, которую прошу тебя разрешить. При последнем нашем с тобою свидании я из твоих речей понял, что ты велел привезти кобыл в Воробьевку, уведомишь нас, и мы пошлем за ними. Галахов же мне говорил, что я тебя не понял, что нам следует послать людей за кобылами в Грайворонку. Реши, как поступить нам; как решишь, так и будет. Посылать нам — так посылать, мне все едино, как тебе лучше.

Вчера я из-за безденежья продал свежей молотьбы овса 1000 четвертей по 40 копеек пуд на месте, признаюсь, что больно отзывается это безденежье, но, по моему характеру, не хочу уповать и твердо надеюсь на милость Божию. «Бедненький ох, и за бедненьким Бог!»

Читал я вчера появление какого-то господина Р. в Ясную Поляну, он застал графа Льва Николаевича Толстого кладущим печь у бедной вдовы! Что ж? Дурного тут нет ничего, но зачем, когда Бог сделал кого

^a нанес визит, или отделился визитом (нем.).

пирожником, он берется шить сапоги, и противное — зачем сапожник печет пироги? Это какая-то судьба на нас русских: даровитый, милый, умный — нет, нужно свихнуться и нести ахиною! Вот уж именно с жиру бесится; а жир-то какой! На днях еще с увлечением перечитывал кое-что из его творений.

Жму тебе руку, прошу прощения, что так непростительно неаккуратен в уплате долга за чай! Прости и еще «капельку» подожди на мне.²

Преданный тебе сердечно

И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской жел. дороги
станция Коренная Пустынь, селцо Воробьевка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: [нрзб.]

¹ Многие из ранее близких знакомых Л. Н. Толстого, в том числе и Фет, не одобряли его поведения и его своеобразных исканий истины в те годы. Это часто обсуждалось в их переписке. Я. П. Полонский, рассказывая о Фете в письме К. Р. 16 июля 1890 г., писал: «Беспощаднее всего относится он к теперешнему графу Л. Н. Толстому. Для него граф — величайший наш художник — в настоящее время просто человек помешанный, проповедник какой-то несуразной чуши или галиматии... „Мне нет никакого дела до человека, который выдумал бы ночью голый бегать по своему дому! — говорит Аф<анасий> Аф<анасьевич>. — Мало ли сумасшедших, но если человек голый выбегать начнет к гостям или всех уверять, что так и следует, то я молчать не могу. Так и граф. Сиди у себя и думай, что хочешь, и я бы о нем не говорил. Но он пишет — и ищет себе поклонников...“» (К. Р. Избранная переписка. СПб., 1999. С. 468). К. Р. в свою очередь отвечал Я. П. Полонскому 23 июля: «Я не прочь пойти послушать проповедь в любую церковь, но от графа Льва Николаевича жду художественных произведений, а не умозаключений болезненно тревожного рассудка» (Там же. С. 470), а в письме А. А. Фету 4 июня 1891 г. К. Р. замечал: «Как мне отрадно знать, что Вы не способны стать учеником графа Толстого и что по его совету ходить босиком Марья Петровна так поступать не будет...» (Там же. С. 358).

² Слова из притчи о должниках: «...кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу» (Мф. 18: 26); «потерпи на мне, и все отдам тебе» (Мф. 18: 29).

50

28 августа (8 сентября) 1886

28 августа 1886.

Станция Отрада.
Село Воин.

Милый друг Афанасий Афанасьевич,
сегодня утром получил твое письмо от 27-го текущего, т. е. от вчерашнего дня, и приношу благодарность: когда уведомишь или меня, или

Галахова, что следует послать за кобылами — распоряжусь и постараюсь распорядиться так, как того требует белье твое; за откровенное мытье белья в моем присутствии могу только благодарить, «on ne lave son linge sale qu'en famille»^a и я, следовательно, при этом присутствовал как свой человек, а таким я для тебя и желаю быть и оставаться!¹ La famille des marquis d'Argencourt a l'air d'avoir immigré en Russie.^b Да-с, мы все с этим высокопоставленным и многочисленным семейством в родстве или свойстве! Очень меня удивило и не порадовало, что письма мои от 19 и второе, писанное два дня спустя, до тебя добрались одновременно, первое я послал отсюда в ответ на твое письмо от 18-го и послал с нарочным на станции Отрада — не могу себе объяснить, что это за казус! Впечатление же гадкое. Сообщу об этом на станции, а когда в Петербург вернусь, сообщу начальнику почт, чтобы приказал обратить внимание своих служащих на этого рода безурядицы, — а таких и подобных много, молчать же о них — не следует.

Погода у нас хорошая, молотьба идет успешно, на Воине все смолочено и молотим гречиху, паровая же молотилка отправилась по другим «экономиям» и там свое дело делает. Урожаем не жалуясь, о ценах на хлеб не говорю — денег в «заводе» пока нет, но, Бог даст, набегут... Начинаю сажать сосенки в лесах и приводить в порядок древесные школки, потихоньку все ладится. Как городничий, которого нельзя было удивить и который на всякое дурное известие говаривал: «да плохо, плохо, а могло бы и хуже быть!», подобно ему и я утешаюсь, находя предмет сравнения в обратном направлении тому, где его ищут обыкновенно. Этот тип называется по-французски «Roger vontemps».^c

Потолкуем и о политике: ты восклицаешь «ответом на наш поход в Болгарию будет захват Бисмарком и австрийцами всего нашего запада, от моря и до моря!». Не понимаю, — похода еще нет, а если и будет какое занятие временное, Бисмарку нечего захватывать нашего запада: он нам друг — do ut des,^d и не думаю я, чтобы он не держал крепко в мыслях, что соседство его с Францией обязывает его крепко дорожить хорошими отношениями со своим восточным соседом. Это фактическая сторона, международная политическая, а борьба с социализмом и разрушительными теориями Бисмарка занимает не менее дипломатической деятельности, и тут он нам помощник и не враг — разумеется само собою, если мы не будем плодить социализм под именем славян или кого другого. Народность — одно, а государственность —

^a грязное белье стирают только при своих (франц.).

^b Похоже, что семья маркиза д'Аржанкура переехала в Россию (франц.).

^c Букв. — Роже хорошая погода (франц.).

^d даю, чтобы и ты мне дал (лат.).

другое. И Бисмарк умиляется, произнося *Germanenthum*,^е отчего и нам не сознавать, что славянство — сила, а силой и то и другое может быть лишь без нигилитины.

Про австрийцев — что говорить? Это фокусники, и такие, судьбой обреченные на шутики, только этим они и держатся, и пусть держатся, нам от них вреда не может быть, говорят они с ковра — часто, а сами лучше других знают, что сидят на рогожке и что на драной.²

Жму тебе руку, прошу передать привет мой сердечный с поклоном Марии Петровне. Памятуя, что тебе нужно мыло для белья, при покупке кобылки займусь этим обстоятельством.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской железной дороги станция
Коренная Пустынь — в село Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: 30 августа 1886, почтовый вагон 15.

¹Возможно, Новосильцов имел в виду обсуждение при нем Фетом каких-то личных, может быть, денежных проблем — тем более, что вновь вспоминается фамилия обедневшего маркиза.

²Речь идет о политике трех государств, которые определяли положение в Европе в 1880-е гг.: России, Германии и Австро-Венгрии. Австро-Венгрия вела успешную борьбу против русского влияния в Болгарии, опираясь на экономическую зависимость болгарской буржуазии от австрийского капитала. Однако Бисмарк в мае 1886 г. в беседе с нашим послом Шуваловым заявил, намекая на таможенные уступки (в России были введены пошлины на немецкую продукцию, чтобы предотвратить ее «натиск на восток»), что Россия имеет полное право послать в Болгарию войска и восстановить там свое влияние. Но если бы царское правительство и было расположено пойти на уступки Бисмарку, то сделать это было бы довольно трудно. Русские протекционистские круги почуяли опасность для своих пошлин, Катков начал в «Московских ведомостях» кампанию против внешней политики правительства, да и в правительственных сферах было сильно антигерманское течение. Газета требовала разрыва с Германией и союза с Францией. В свою очередь Бисмарк через прессу начал пугать Россию стеснениями русского импорта в Германию и повышением пошлин на хлеб. При финансовой слабости царского правительства и при зависимости русского сельского хозяйства от германского рынка это было серьезно. Но, так как международное положение Германии осложнялось, перед лицом невероятных конфликтов с Францией Бисмарку нельзя было ссориться с Россией, которую он ненавидел, но которую боялся. Нельзя было терять и Австро-Венгрию. Канцлер старался ладить с обеими, поэтому после августовских событий в Болгарии Бисмарку пришлось призвать всю свою дипломатическую изворотливость.

О мерах Бисмарка по борьбе с терроризмом см.: Часть I, примеч. 5 к письму 13.

^е <Германство> (нем.).

3 (15) сентября 1886

3го сентября 1886.

Станция Отрада.
Село Воин.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, посланный мною за кобылами — Сергей Михайлов, мой старший по конюшне, вручит тебе настоящее письмо и 200 рублей: я уже было послал деньги Галахову, который собирался у тебя быть на днях, но почему-то изменил свои намерения и сию минуту возвратил мне деньги. Теперь вопрос (и прошу ответить, не стесняясь никакими соображениями). Галахов у меня был вчера и сказал, что я ошибаюсь, не 200 рублей, а следует тебе 160. Как тут быть? не знаю — но с тобою мне не привыкать стать вести речь откровенную — если 160 — тем лучше, отдай сдачу моему посланнику, который оставит на поводок 10 рублей. Если 200, то он распорядится и тот же поводок даст — а сдачи не получит. Ты дай ему одних кобыл и прикажи своим помочь поставить в вагон, повезти же, само собою разумеется, совершенно достаточно одному человеку.

2-х лошадей у меня водил один человек и 4-х коней по железным дорогам. Галахов, вероятно, тебе напишет, как и что, — сам. Теперь чмокаю тебя и прошу не поминать лихом старого и тебе преданного
И. Новосильцова.

Если незатруднительно — вышли аттестат, сообщи кучеру, которая мне лошадь и как ее звать.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
(сверху приписка: в собственные руки)
Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в сельцо Воробьевку.

Почтовых штемпелей нет (вырезаны).

6 (18) сентября 1886

Сентября 6-го 1886.

Московско-Курская ж. д.
Станция Отрада.
Село Воин.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сегодня утром привели кобыл, «Фею» и «Флору», благополучно на Воин, я их осмотрел и благодарю, авось, Бог даст, будет моя Фея хоро-

шей лошастью, и Флора хороша, хотя немного поменьше, но кость шире — и будет, кажется, тоже лошастью, будем кормить, холить, а потом, если жив и здоров буду — выезжать. Галахову написал письмо, уведомляя о благополучном прибытии на Воин; одновременно сообщая ему твое письмо — для уразумений «поводковых», посылаю «Свидетельство» на Флору и расчет издержкам, которые мы разделим пополам — равно и 10 рублей поводковых, полученных, однако, сполна моим посланным!

Погода мерзейшая, приказал сегодня вытопить и несколько печей, и камин, ночью был морозец достаточно серьезный, чтобы убить все георгины, которые очень некрасиво торчат сегодня почерневшими и повисшими ветвями. Розаны как встрепанные, им это нипочем, уж именно можно выразиться «la reine des fleurs».^a Получил сегодня августовскую книгу «Русского вестника», любопытно дочитать 3-ю часть статьи Циона «Нигилизм и нигилисты». Написаны первые две умно и толково. Не знаю, когда ко мне будут мои дамы, Сонечка и Зина — мой зять, вероятно, раньше приедет, уже получил с почты два письма на его имя. Здоровье мое так себе; особенно не могу похвастаться, все затрудняюсь свободно дышать, и это премучительный недуг. 12 числа собираюсь на мировой съезд, повидаюсь с нашими дельцами. Когда ты собираешься ехать в белокаменную? Я надеюсь, что die schönen Tage von Aranjuez^b еще не прошли, есть примета: если до праздника Рождества Пресвятой Богородицы, т. е. до 8 сентября, продержится теплая и хорошая погода, то осень остальная будет мерзкая, если же будут до 8-го ненастные дни, то осень вознаградит, дай-то Бог! Теперь мерзость, и не хочется носа наружу высовывать.

Пошлю настоящее письмо с нарочным на станцию, откуда ожидается г-н Власенко, ездивший в Орел. Надеюсь, что письмо придет нераспечатанным и не через 5 дней. Желаю тебе всяких благ, еще раз прошу принять выражение благодарности за лошадь. Будь здоров и не поминай лихом тебе сердечно преданного

И. Новосильцова.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в селцо Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: Почтовый вагон 13; 7 сентября 1886.

^a королева цветов (франц.).

^b прекрасные деньки из Аранхуэса (нем.) — из трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос».

18 (30) сентября 1886

Сентября 18-е 1886.

Московско-Курская ж. д.
Станция Отрада.
Село Воин.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, знаешь, что свидетельство на кобылу неправильно? Она, «Фея», выставлена родившейся в 1883-м году, следовательно, ей теперь поэтому было бы 3 года с полтиной, чего допустить нельзя ни по складу, ни по зубам молочным. Итак, с твоего согласия и для аккуратности я тебя буду просить изменить год рождения — с выносной внизу, что исправил собственноручно. То же и с кобылкой Галахова: она тоже записана родившейся в 1883 году, тогда как и моя, и его родились в 1884-м!

Уже несколько дней у меня гостит мой зять Шангран, он прикатил «передовым» в хорошем смысле этого слова, ему стало скучно в Симбирске, и он сюда приехал, чем меня очень обрадовал, прекратив мое одиночество, доводившее меня (когда шел дождь) до тоски. У меня идет пахота «плужная», коей осенью положено наковырять 280 десятин с лишком, разбивка полей на пять полей, подклинение, садка деревьев готовится по оврагам и всяким непотребным местам, молотья немного задержалась эти дни по случаю ненастья. Здоровье мое так себе — нечем хвалиться. Какие-то сердцебиения, беспокойный сон, одним словом, суета с ее «отрыжками», вот выражение, которое часто в ходу: болело новосадное дерево и считалось погибшим и вдруг — ай да выражение — а ведь такое-то новосадное деревцо, Иван Петрович, что мы думали, что «похерилось», — отрыгнуло и как пошло, любо смотреть!

Сестра моя и племянница, обе твои приятельницы, Бог даст, скоро доберутся сюда. Сегодня высылаю лошадей в Мценск за гр. Павлом Строгановым и графией, которые меня хотят навестить — проездом в харьковское имение: я надеюсь, что они меня побалуют дней 4 или 5. Нового в экономическом значении — мало: денег нет, продал с грехом пополам 500 четвертей овса по 40 коп. на месте, получил 1200 рублей и поденными работами и всякими издержками, сумма эта — капля «испарившаяся».

Поймал воровавших мужиков, срубили 3 больших дуба! Которые ласкательно названы «дубочками» 5 и 6 вершков в разрезе! Я их не похвалил. Конокрады увели в селе Шеине у крестьян 7 лошадей! Само собою разумеется, что ничего не нашли и не найдут. Я написал письмо

губернатору и сообщил ему «анекдот», но, сообщая, заметил, что я ни минуты не ожидаю защиты от евнухов, которые без языка, когда у них требуют сведений о том, чего нужно и как помочь горю. Привет мой сердечный Марии Петровне, не поминай лихом твоего старого друга

И. Новосильцова.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в сельцо Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) [нрзб.], 18 сентября 1886;
2) Почтовый вагон № 9, 19 сентября 1886.

54

22 ноября (4 декабря) 1886

С. Петербург. Дворцовая наб. № 26.
Ноября 22. 1886.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, вчера получил твои дружеские строки с вопросом о состоянии моего здоровья. Более 10 дней лечусь и, по милости Божией кажется, идет лучше — нервные одышки, которыми я мучился, кажется, начинают уступать принимаемым против них мерам. Два раза выпрашивал Сергея Петровича Боткина на совет, Бог даст, справится, но нележки были бессонные ночи, когда, валясь со сна, частым дыханием не давал себе покоя, ослабел, исхудал, просто дрянь, рад уже тому, что эта одышка не имеет характера астмы, происходит от нервного узла, помучила меня порядком.

На днях я собрал все бумаги, касающиеся Пети Борисова и хранящиеся у Глиноецкого же, написал письмо отдельное Михаилу Петровичу Боткину¹ и послал оба пакета на его имя, по оставленному тобою мне адресу — оказалось, что Михаил Петрович Боткин в Москве, и пакеты возвращены мне. Как только узнаю о возвращении его сюда, pošлю опять. В моем письме я прошу его принять на себя труд и тебя уведомить о получении исправном как денег, так и переписки о бедном Пете.

Если найдешь возможным и легко исполнимым, то телеграфируй мне, что, мол, Михаил Петрович тогда-то выехал из Москвы сюда. Это будет еще лучшее указание, и я тотчас pošлю готовые пакеты к нему.

Сердечный поклон Марии Петровне от преданного тебе
И. Новосильцова.

Воронцова нет еще здесь, посему и нет ответа о лошади.²

На конверте: в Москву, Плющиха, собственный дом.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 22 ноября 1886;
2) Москва, 23 ноября 1886.

¹ *Боткин Михаил Петрович* (1839—1914) — брат жены Фета Марии Петровны, художник, академик исторической живописи; попечитель психиатрической больницы св. Николая в Петербурге (см. также примеч. 1 к письмам 38 и 44).

² Имеется в виду *Воронцов-Дашков Илларион Иванович*, граф (1837—1916) — министр императорского двора и уделов, главный управляющий государственного коннозаводства; пользовался доверием Александра III, отвечал за все меры безопасности царской семьи в Гатчине, в частности, Приоратского парка, который охранялся конными дозорами.

55

25 ноября (7 декабря) 1886

С. Петербург. Дворцовая набережная, 26.
Ноября 25е 1886.

Милый друг Афанасий Афанасьевич,
сегодня только мог исполнить возложенное тобою на меня поручение — вручить Михаилу Петровичу Боткину бумаги и деньги, относящиеся до пребывания бедного Пети в больнице — посылаю тебе «оправдательный документ». Здоровье мое так себе, тихо, но кажется идет к лучшему, Сергей Петрович 3-го дня опять и опять ободрил меня, дай Бог, я не привык болеть — ослаб как-то, поскуучнел, оказывается, что пословица справедлива, твердящая, что здоровье уходит пудами, а возвращается фунтами. Мой сердечный привет Марии Петровне, от Сергея Петровича и от тебе преданного

И. Новосильцова.

На конверте: в Москву, на Плющихе,
в собственном доме.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 26 ноября 1886;
2) Москва, 27 ноября 1886.

8 (20) декабря 1886

Дворцовая набережная № 26.
С. Петербург. Декабря 8-е 1886.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,
на письмо твое от вчерашнего числа спешу отвечать, что Е<го> П<ре-
восходительство> В<еликий> князь Константин Константинович жи-
вет в Мраморном дворце своего отца,¹ туда посылай и туда адресуй.
Здоровье мое пока тихо поправляется, что даже почти не замечаю
улучшения, силы прибавляются, но спазматическая одышка возвра-
щается и часто и мучительно, обещают доктора, что, Бог даст, скоро
лучше будет — но пока невесело, я хворать не привык. До сего дня жи-
лось безболезненно и непостыдно, но и привыкать к новому худшему
как-то противно. Меня не оставляют друзья: навещают часто и с уча-
стием сердечным, которому я и цены не знаю, так оно мне по сердцу.
Скажу между нами, на днях государыня императрица² была в городе
из Гатчины и была у меня, и пробыла больше часу времени! Сообщаю
тебе это не из пошлого чванства, ты меня довольно знаешь, чтобы не
заподозрить меня — но сообщая как весть, которой ты порадуешься
со мной, как близкий, моему милый сердцу человек.

Жму руку и прошу не забыть передать мой сердечный привет Ма-
рии Петровне.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: в Москву, Плющиха, собственный дом, № 481.

Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Петербург, 10 декабря 1886;

2) Москва, 11 декабря 1886.

¹ *Константин Константинович*, вел. кн. (1858—1915) — сын вел. кн. Константина Николаевича, двоюродный брат Александра III, с 1889 г. президент императорской Академии наук, известный поэт, писавший под псевдонимом К. Р. Всю жизнь питал глубокую любовь к русской литературе, поддерживал дружеские отношения с А. А. Фетом, А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, И. А. Гончаровым, П. И. Чайковским, переписка с которыми сохранилась в Пушкинском Доме. Фет считал его своим учеником в поэзии. Мраморный дворец, в котором жил К. Р. со своей семьей, был построен в 1785 г. по проекту арх. А. Ринальди и в 1849 г. стал потомственным владением вел. кн. Константи́на Николаевича, а позднее — К. Р.

² Императрица Мария Федоровна (1847—1928) приезжала, скорее всего, к вел. кн. Владимиру Александровичу и заодно навестила Новосильцова. Она, по воспоминаниям современников, как и Новосильцов, любила лошадей и не боялась их, хорошо держалась в седле, любила ездить верхом, в отличие от своего мужа, императора Александра III. Императрица была обаятельным и приятным собеседником: «Должен сказать, что я вообще был очарован императрицей. Даже ее маленький рост, ее легкое шепелявье и не очень правильная русская речь несколько не вредили чарующему впечатлению. Напротив, как раз тот легкий дефект в произношении вместе с ее совершенно явным смущением придавал ей нечто трогательное, в чем, правда, было мало царственного, но что зато особенно располагало к ней сердца», — так писал о ней А. Н. Бенуа в своих воспоминаниях (цит. по: Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 230).

57

25 декабря (7 января) 1886

С. Петербург, Дворцовая набережная, № 26.
День Рождества Христова, 25 дек. 1886.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, хотел вчера уже отвечать на дружеский запрос твой о моем здоровье и не собрался. Пишу нынче коротенькое письмецо, потому что необычайно ослабел после бессонных ночей, одышка является часто ночью и мешает спать — это истинное мучение, вроде пытки. Совершенно с тобой согласен о голосах птичьих, то ли было, когда здоров и бодр, рад бы перепелом крикнуть, а тут приходится жалким тоном чиликать! Твой шурин Сергей Петрович Боткин продолжает наезжать, и под его руководством мой приятель доктор Вагнер меня лечит, но пока толку мало — одышка возвращается часто, мучительная, это, говорят, нервы! Пусть так, но от этого мне не легче. Три дня тому я выезжал к обедне, исповедовался и причащался, что меня подкрепило.

Сегодня меня не пускают выезжать — предписывают «спокойствие», не жалуясь и не ропщу, но, признаюсь, хворь эта изводит и действует нравственно, молю Бога об облегчении, и в Его руках исцелить страждущего. Рад буду дать тебе добрых вестей о себе, я не привык хворать, и я раскис. Спасибо тебе за дружеское участие, которым искренно дорожу. Поздравляю с великим праздником и тебя, и Марию Петровну, которой посылаю сердечный привет.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Москва, Плющиха, собственный дом.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 26 декабря 1886;
2) Москва, 27 декабря 1886.

14 (26) января 1887

С. Петербург. Дворцовая наб. № 26.

Января 14-е 1887.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, не отвечал долго на твое письмо, потому что ждал ответа на обращенное в 3-й раз письмо в коннозаводство, экий неучи народ! А мне писать и утомительно, и слаб я, как осенняя муха. Теперь это мой главный недуг, пью молоко — до 20 рюмок в сутки, в час кусочек говядины и в 7 часов то же без хлеба, одышки, слава Богу, почти нет, но слаб, как тряпка, выезжать не позволяют еще, да и погода здесь мерзость запустения. Нева почти растаяла и на вид серая, как в марте, где тут легко поправиться. Я собирался тебя уведомить тотчас, да откладывал со дня на день удовольствие с тобою поделиться радостью — пропустил долгое время. Я тебе писал, насколько меня обрадовало первое посещение императрицы, потом еще 3 раза повторившееся, но каково было мое изумление, когда на днях в 3-м часу вдруг (у меня сидели 2, 3 приятеля) и я был одет, но в валенках и в халате, вбегает человек и, растворя настежь двери, восклицает: «Государь император и государыня!». Признаюсь, меня глубоко тронуло это милое посещение царя, он пробыл у меня с час времени, поцеловал меня, а потом, когда уезжал, сказал: «А я к Вам опять заеду — выздоравливайте», и проч., и проч. ...¹ Сию минуту, куда пишу к тебе, принесли с письмом от ее величества подарок: она верхом, бронзовая статуйка, которую мне давно хотелось иметь и которую поднесла 1-я гвардейская дивизия нынешнему государю, когда он сдал командование дивизией и назначен был командующим гвардейским корпусом! Это такие для меня трогательные внимания, что я и не знаю, чем объяснить себе то, что предметом их — ничтожное я! Делюсь с тобой, как с добрым другом. Посылаю к тебе плод неудавшихся переговоров о Сольферино, но прошу, чтобы быть уверенным, что, несмотря на болезнь в последнее время, — я ни минуты не отнесся к порученному мне делу с апатией или индифферентно, но, что ты поделаешь, лбом стены не прошибить! Шлю сердечный привет Марии Петровне. Тебе крепко руку жму, дай Бог, чтобы здоровье мое поправилось настолько, чтобы о нем я перестал с тобою толковать. Будь здоров и не поминай меня лихом

И. Новосильцов.

На конверте: Его Высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину

в Москве, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 15 января 1887;
2) Москва, 16 января 1887.

¹Этот визит происходил 12 января 1887 г. после завтрака у вел. кн. Владимира Александровича, о чем упоминает в своем дневнике А. А. Половцов: «12 января. Понедельник. <...> В 1 час завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. По обыкновению за столом сидит много посторонних...» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова 1887—1892. М., 1966. Т. 2. С. 9). Император, не любивший балы и долгие светские посиделки, скорее всего, «улизнул» из-за стола, чтобы навестить больного Новосильцова, которому симпатизировал.

59

31 января (12 февраля) 1887

Дворцовая набережная, 26.
Января 31-е 1887.

Милый друг, благодарю за Овидия¹ и одновременно прошу извинить и простить меня за эту медленность, с сего дня я как будто не спешил тебя поблагодарить. Меня и интересует и занимает перевод Овидия, кое-что прочел, но слаб я еще слишком, чтобы толком этим заняться. Здоровье мое, благодаря Бога, ночью тихонько улучшалось, — я сплю и одышки нет, лечусь молоком и только два раза в день обедаю по кусочку говядины, без хлеба почти. Боткина давно не беспокоил — да, слава Богу, пока особой нужды не было его тревожить. Силы возвращаются, но тихо, тихо, почти незаметно. На воздух не выпускают из осторожности, что, признаюсь, тяжело, да делать нечего, пословица говорит, что здоровье уходит пудами, а возвращается золотниками! Писать тоже не горазд — утомляюсь скоро, читаю мало и провожу день с друзьями, которые не покидают больного, за что благодарю Бога, не приписывая себе иль дружбе и внимания собственно моим прелестям.

Сердечный привет и поклон Марии Петровне.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Москва, Плющиха, собственный дом.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Петербург, 31 января 1887;
2) Москва, 1 февраля 1887.

¹Речь идет о давно обещанной книге переводов Фета, которая вышла в свет в это время (см. примеч. 3 к письму 41).

7 (19) марта 1887

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
 Марта 7-е 1887.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, мне запрещено и читать и писать, ношу очки, случилось маленькое, незаметное на вид кровоизлияние в правом глазу, который поэтому видеть не может, точно впечатление, когда ясно видишь на солнце и в глазах как точки или круги темные, точно кое-где черным тюлем или кисеей подернуты предметы. Говорят, что это ничего опасного не имеет в себе, но продолжительно и, разумеется, очень скучно, ибо в чтении я находил развлечение самое существенное. Одышки, слава Богу, нет давно уже, сплю хорошо — это главное, начинаю собираться с силами, но еще подвержен строгому образу жизни, пью молоко в большом количестве — и ничего другого, ни воды, ни вина, ни чаю, ни кофею, в час кусок холодной говядины и в семь кусок горячей говядины, запиивается все это молоком — что дальше будет, то в руках Божиих, а теперь идет к лучшему.

Сергей Петрович Боткин руководит изредка лечением, лечит мой старый приятель Вагнер, а при мне состоит уже постоянным врачом некий молодой г-н Робинсон, который меня будет сопровождать на случай отъезда в Крым и пребывания в деревне, и где бы то ни было. Но когда мне позволят отсюда вернуться — еще неизвестно: третьего дня впервые дозволена была прогулка по солнцу пешком на полчаса — почти то же.

Что ты это так рано забираешься в деревню, неужели тебя не соблазняет Пасха в Москве с друзьями и близкими, и говение опять-таки в городе лучше и легче, чем в деревне.

Кончаю письмо, ибо запрещено писать, а с тобой я легко увлекаюсь; о том, что ты пишешь, «*Quos Deus vult perdere dementat*»,^a — последнее следует отнести к былой эпохе, теперь не то, и, Бог даст, будет лучше, но нельзя с таким наследством легко справиться и вдруг. Уже одно хорошо, что сознание, что шли на погибель и что служили этому делу погибели много из поставленных именно за это на высокую степень иерархических отличий, уже это одно, по моему убеждению, большой шаг, самый важный, теперь необходимо «*festina lente*»,^b но непреклонно в одном смысле. Авось, с милостию Божией и пойдет дело на лад.

^a «Кого Бог захочет погубить — того лишает разума» (лат.).

^b «Спешу медленно; не делай наспех» (лат.).

Ты поверишь легко, когда я тебе скажу, что меня всего перевернуло от известия о мерзавцах, покушавшихся на жизнь государя с семьей!! Я бы им нашел расправу, отдав их на суд собравшейся толпе — растерзали бы.

Кланяюсь Марии Петровне. Опять мне запрещено писать, а я добрался до 4-й страницы.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

У меня здесь гостит воинский управляющий Власенко.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Московско-Курская ж. д., в сельцо Воробьевку.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 8 марта 1887;
2) [нрзб.] 9 марта 1887.

¹ Речь идет о несостоявшемся покушении на Александра III 1 марта 1887 г. при его возвращении с панихиды из Петропавловской крепости. Участники группы «Террористическая фракция „Народной воли“» под руководством А. И. Ульянова вызвали подорожников полиции и были арестованы.

61

6 (18) апреля 1887

Апреля 6-е 1887.

Дворцовая набережная, 26.

Воистину воскрес!

Вчера получил милое письмо твое от 3-го текущего апреля и тотчас же отвечаю: благодарю тебя искренно за твое сердечное участие и добрую обо мне память: здоровье потихоньку восстанавливается, но еще не восстановилось, и необходимо внимательное и осторожное обращение с выздоравливающим, я себя берегу и, например, к заутрене и обедне с 4 по 5, т. е. на воскресение, меня не пустили, отслужена была утренняя в 10 часов вечера у меня, а в первом часу, при пушечных выстрелах, я улегся спать и проспал благополучно, приключавшаяся одышка меня оставила, ночи сплю по-прежнему, но продолжаю еще и в еде и в питии и во всем осторожность и осмотрительность: у меня теперь живет молодой доктор по имени Робинсон, я его взял для сопутствования мне в предполагаемом путешествии в Крым, где мне гостеприимно предоставлена дача Шуваловых «Мисхор». Там, Бог даст, можно будет провести май и часть июня, потом на Воин, где можно будет

пробыть до начала сентября, и опять в Крым. Для этого путешествия мне дают вагон, который я могу отстегивать и пристегивать, где заблагорассудится.

Намерение пробраться в Москву, отдохнуть, потом на Воин, отдохнуть, поглядеть, как там и что, и покатить далее, тоже вероятно с пунктами отдохновения, как милость Божия на это будет.

Поблагодари Марию Петровну за доброе ее воспоминание и передай ей мой христианский отклик, которым и начинаю настоящее письмо. И ты, кажется по письму твоему, не был у заутрени: вероятно, это смущало тебя — меня бы очень подмывало в такой день помолиться в храме Божиим, сегодня был у обедни.

Желаю тебе всего лучшего, прошу быть уверенным в чувствах искренней моей преданности

И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.,
станция Коренная Пустынь, Воробьевка.
Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Петербург, 6 апреля 1887;
2) Москва, 7 апреля 1887.

62

17 (29) мая, Мисхор

Мая 17-е 1887.

Адрес: почтовая станция Мисхор, Таврической губернии.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, вчера получил только письмо твое от 6-го мая, оно ко мне прибыло из Воина, куда его переслали из С. Петербурга — вот объяснение запоздалости в пути; отвечаю немедля. Не знаю, будет ли для тебя интересен рассказ о моих последних действиях. Докторским советом решено было мне, после продолжительной и тяжелой болезни, для восстановления сил ехать весной в Крым, дышать воздухом, отдыхать и поправляться, затем вернуться на Воин провести июль и август воссиях и осенью опять сюда, и пробыть здесь покуда можно, т. е. [позволит] погода. Мои приятели Шуваловы, тот именно, который женат на Нарышкиной, которой принадлежит Мисхор, рядом с Алушкой, но лучше Алушки, предложили мне занять их прелестнейший дом.¹ Я принял предложение с благодарностию и восторгом и пустился в путь, их величества мне дали вагон, который я, по мере усталости или нужды, мог бы отстегивать там, где желаю остановиться. В Москве я пробыл два дня и спал три ночи, потом поехал к себе, курьерским поездом до-

ехал до Отрады и ночевал на Воине со вторника на среду, отдохнул, взглянул на хозяйство, лошадей, сад и проч. В пятницу, т. е. в ночь на субботу, сел в своей вагон, забрав с собою стоящего при мне доктора Робинсона, потом пожелавшего мне сопутствовать приятеля, канцлера Орловского губернатора, зятя моего Власенки, очень приятного и знакомого мне человека,² повара и двух человек прислуги. Покатил сюда, остался день, т. е. сутки, в Севастополе и сюда приехал в экипаже, совершив на почтовых восхитительнейший путь до Мисхора, где и дышу ныне. Помещение прекрасное, море с одной стороны, наироскошнейшая природа везде, розаны, белые и желтые акации, все в цвету и погода райская, совсем еще не жаркая, но удивительно теплая. Гуляю, пишу, читаю, хотя за болезнью одного глаза должен быть в занятиях пока осторожен. В конце июня, если Бог милостив, вернусь на Воин, поглядеть на все и вся.

Может быть, и залетишь ты повидаться. Здоровье мое начинает оправляться, но силы возвращаются золотниками.

Помышляю о многом и, Бог даст, опять войду в задор всяких критик, выбор людей, вот чего нужно, и людей с властью и с ответственностью не перед парламентом — это комедия, которая никого серьезного не прельщает, но с ответственностью пред руководящим и знающим, что нужно и что можно наработать. Что может один человек сделать, можно судить из недавней вышедшей книги о герцоге Ришелье, основателе Одессы и всего русского Юга!³ А теперь пока затишье во многом, но Бог милостив.

Поклон и привет Марии Петровне, не забывая преданного тебе

И. Новосильцова.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Ст. Коренная Пустынь, с. Воробьевка.

Почтовые штемпели: 1) Мисхорская ПС, 19 мая 1887;
2) [нрзб.] 22 мая 1887.

¹ Имеются в виду *Шувалов Павел Петрович*, граф (1847—1902) — флигель-адъютант, генерал-майор, приближенный вел. кн. Владимира Александровича, и его жена, *Нарышкина Ольга* (в др. источн. *Софья*) *Львовна* (1829—1894), дочь генерала Л. А. Нарышкина, героя войны 1812 г.

Путеводитель по Крыму М. Сосногоровой, изданный в Одессе в 1880 г., так описывает это имение: «За деревнею, спускаясь к берегу, расположено несколько прекрасных дач, между которыми дача Мисхор, принадлежавшая прежде г-же Нарышкиной, а теперь принадлежащая гр. Шувалову, обширнее других и превосходно устроена, заключая в себе много красивых построек <...> и обширные виноградники. Оливковая же роща в Мисхоре (она называется «Софиевкой», или «малой Алупкой»), кажется, единственная

на южном берегу, из которой добывается на столько оливкового масла (превосходного качества), что часть его пускается в продажу» (с. 120—121).

² Возможно, Новосильцова сопровождал Петр Семенович Добычин, правитель канцелярии при орловском губернаторе К. Н. Боборыкине.

³ *Ришелье Эммануил Осипович* (Арман Эммануил Дюплесси) (1766—1822) — выдающийся государственный деятель; во время Французской революции эмигрировал в Россию (1790), после войны с турками получил чин генерал-лейтенанта, в 1803 г. был назначен Александром I губернатором Одессы и Новороссийского края. Много сделал для благоустройства Одессы, превратив ее в процветающий город-порт, а также для развития торговли, виноделия и земледелия в Крыму и землях Новороссии. Вероятно, Новосильцов читал книгу французского автора Леона де Круза́ (Leon de Crousaz-Crétet) «Le duc de Richelieu en Russie et en France» («Герцог Ришелье в России и во Франции»), изданную в 1886 г. в Париже (1-е изд.).

63

22 июня (3 июля) 1887

Мисхор, июня 22-е 1887.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, сейчас, почти сию минуту я имел удовольствие получить твое милое письмо от 16-го текущего месяца, — безобразно долго идет почта сюда, и при всяком вопиющем беспорядке, упущении и тому подобных явлениях у меня только и мерещится в виде идеала Петровская дубина. Боже мой, как бы погуляла власть по русским спинам при таком человеке, каким был Петр Великий! Знал, чего хотел и когда раз захочет — исполнит и найдет исполнителей, толковых, знающих, что за неисполнительность и нерадение придется отвесть вкус дубины! Вот верх философии политической: так и скажи Соловьеву, пусть не прогневается за отсталость моего мировоззрения!¹

От тебя получил вести, что у вас дожди, холодно и слякотно! А здесь благодать, которой и вообразить себе трудно. Посылаю тебе фотографическое изображение занимаемого мною дома, тут балкон огромных размеров, под крышей, на нем и сижу целыми часами, глядя на море. Вчера был собственно первый вечер и ночь южные, без ветра, даже после захождения солнца воздух оставался теплым, бархатным, а с моря несло легкой прохладой, месяц светлый, спокойный, ни единого облачка на небе! Даже здесь такое совершается не каждый день!

От Строганова из Тамбова получил письмо, у него урожай баснословный! Травы тоже, одна пшеница возится с гессенской мухой. Но пока не убрано, нельзя славить победы!

С Воина пишут вести вроде твоих, погода мешает обильному сенокосу, холодно и гадко, здесь как-то не верится этим вестям о непогоде. Так сердце человеческое бессознательно эгоистично, при полном

счастью как-то и на горе чужое смотришь, как на что-то необычайное и маловероятное. Поклонись Марии Петровне и засвидетельствуй мое почтение г-ну Соловьеву. Я намереваюсь, если Бог милостив, выехать отсюда в воскресенье и надеюсь во вторник утром быть на Воине, Бог даст, к тому времени и у нас погода справится, в сентябре же, с Божией помощью, опять в Мисхор. У меня здесь гостил 2 недели мой зять Шангран, прикативший сюда прямо из Парижа и уехавший вчера на пароходе в Керчь, Таганрог, Ростов, Царицын и по Волге в Симбирск к моей племяннице Нечаевой, где ныне моя сестра.

Здоровье мое, слава Богу, поддерживается, сплю отлично, много гуляю, но воздерживаюсь от купанья и вообще блюду себя с осторожностью, не привык я ходить за собою, как говорят по-французски *me soigner*,^а а приходится привыкать. Желая тебе всего лучшего, кончай Энеиду стихом плавным, чистым, хорошим.

Если захочешь порадовать письмом, то адресуй уже на Воин. Будь здоров и не поминай лихом сердечно преданного тебе

И. Новосильцова.

Перо мерзкое или, скорее, чернила густые, прости за каракули.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.

Почтовые штемпели: 1) Мисхорская ПС, [нрзб.];
2) [нрзб.], 24 июня 1887;
3) Почтовый вагон 16, 26 июня.

¹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — поэт и философ, с которым Фет познакомился в 1881 г. (Соловьев редактировал фетовский перевод «Фауста» Гете), летом 1887 г. гостил в Воробьевке, помогая Фету переводить «Энеиду» Вергилия (1-я часть «Энеиды» вышла в 1888 г. в Москве). Скорее всего, именно в доме Фета с Соловьевым ранее познакомился и Новосильцов.

64

20 июля (2 августа) 1887, с. Воин

20 июля 1887.

Ильин день.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,
собираюсь писать тебе коротенькое письмецо, чтобы дать о себе весть, а вместе и узнать, что и как ты сам: благодарение Богу, я начинаю

^а о себе заботиться, себя лечить (*франц.*).

оправляться, гуляю много, хожу, езжу по лесам и полям, приглядываю за уборкой и даже третьего дня не выдержал, только что выгоняли на корте мою верховую лошадь (дочь павшей моей Милашки, купленной у Петра Афанасьевича, и кровного английского жеребца), не выдержал и влез на неоседланную голую спину, посидел с минуту и, к удивлению живущего у меня доктора Робинсона, сейчас же и сошел с лошади! Еще рано не совсем выздоровевшему пускаться! Что Бог даст — впереди; теперь пока слава Богу. Читаю много и все «военное» — всегдашняя моя слабость!

Получили машину сушить фрукты: американская штука, яблоки и вообще круглые плоды машиной облупляются от кожицы, вырезывается сердцевина, и появляются ломтики с круглой дырой в середине вроде стеклянных бобешек на шандалах — будет ли прок от этого? Не знаю, скажу даже, сомневаюсь, но об этом толкуют и пишут в земледельческих изданиях, и не хочется моему Власенке «отставать». В таких мерах или размерах пусть себе тешится: и семипольное хозяйство и травосеяние, и главное удобрение полей! Все это еще хорошо. По взысканиям же и всяким неурядицам у меня запрещено тревожить мировых судей. Чего не дохвачу самосудом личным, на то велю плевать! И таким философическим взглядом более спокоен, чем заблуждением искать «официальным» путем правды. Если какая неурядица или гадость какая в деревне, пойду в воскресенье на сходку, выругаю кого следует и баста, а то только мутит, например, «исполнительный лист» в 1200 рублей за «лыки», так я и сказал мужикам: попадемся на порубке леса, взлупить велю, а там поди жалуйся.

Был у меня Галахов, а я еще не успел к ним съездить, потому что у них всякий день ожидается «разрешение» и мое появление было бы нескромным. У меня теперь выстроен сарай с новой соломенной «несгораемой крышей»: приезжают смотреть. Дай Бог не испытать всех ее качеств!

Сердечный привет Марии Петровне и тебе самому поклон.

Если Соловьев у тебя, поклонись ему, не знаю, помнит ли он о моем появлении к тебе во время его у тебя пребывания.

Будь здоров.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Московской ж. д. ст. Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон, 21 июля 1887;
2) Коренная Пустынь, 21 июля 1887.

26 июля (6 августа) 1887, с. Воин

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сейчас получил письмо твое от 24 текущего, прочел его, вернувшись от обедни. У нас третий день дождливая погода, и немного упавший барометр меня смущает и огорчает, уборка в ходу, некоторые особенности агрономических затей уже смолочены, напр<имер>, шампанская рожь — дала более семидесяти мерой и еще более весом, а все-таки я ее заводить в больших размерах не стану, она меня в прошлом году наказала, и даже соседнее с нею крестьянское ржаное поле просто меня срамило, а я срам мой передавал в целости виновнику этих нововведений господину Власенко! У тебя возня с Розановым! Жаль, и мне кажется, что нечего спешить с заключениями о нем, несколько месяцев в новом имении, с чужим посевом, с новыми людьми — это опыт ничтожный, и спешить и горевать нечего, а тем менее сменять кукушку на ястреба! Я знаю Розанова — он добрый, честный, опытный, а эти 3 качества много значат!

Смутил ты меня рыжими жеребцами, смутил до глубины! Первая мысль — это куплю, непременно, а денег нет пока, т. е. сию минуту, и у меня на ставке 9 жеребцов, которых буду продавать, но от твоих лошадей я не могу отказываться, не в обычае моем: первая моя собственная упряжная лошадь была темно-гнедой жеребец, проданный мне за маленькую цену твоим батюшкой. Маленькие жеребчики от Закраса, которые у меня теперь и у которых, к сожалению, у обоих восса — кажется, эта мерзость так пишется — куплю и рыжих — деньги пришло, но чувствую, что делаю глупость: не брани и не критикуй меня, но от тобой рекомендуемых и с твоего плеча лошадей я не имею мужества отказаться. У меня на конюшне теперь очень много лошадей, но рыжих нет, т. е. есть одна — полуторник. Напиши мне, каких лет, от какого отца и матери. Займись этим и утешь меня. Зине Нечаевой эти лошади ни в коем случае не годятся: во-первых, она ездит на темных — это система, а во-вторых, в ландо нужно 5 или 6 вороных, а не малюсеньких, которым я знаю цену.

Жаль мне Каткова, очень жаль, по мне одно из выдающихся качеств его — это «его вера», он без мудрствований был православный, верноподданный русский христианин, а теперь у нас в газетчиках или между так называемыми литераторами этого-то и нет, и все и вся по этой причине — дрянь, правоверная размазня или, вернее, безнравственная погань! О робости, которую ты предполагаешь в Бисмарке, не стану говорить, я ей не верю. О взглядах Каткова на иностранную по-

литику не стану говорить тут, он толковал, как и всякий безответственный человек, и вкривь и вкось — *la critique est aisée, mais l'art est déficite.*^a Подбивать на сербский поход, имевший последствием прошлую войну, — это еще заслуга, о которой можно выразить сомнение! Но во внутренних своих статьях Катков послужил и верой, и правдой, его ратование против судебных порядков, против так называемого самоуправления — вот заслуга серьезная.¹

27 июля. — *La nuit porte conseil.*^b Вчера, дописав четыре страницы моего письма к тебе, любезный друг, отложил до сегодня окончание письма, — все бегают у меня в голове рыжие лошади твои, т. е., говоря по-французски, *vos chevaux alézans me trottent par la tête.*^c Как бы мне это устроить? Деньги, пожалуй, с натугой, я надеюсь найти, но куда мне поместить коней до будущего года? Не могу пока сообразить — попытаюсь предложить тебе следующее: не согласишься ли ты оставить лошадей у себя — пожалуй, до нового года приблизительно — и, получив за коней уплату, не позволишь ли ты мне оставить лошадей в Воробьевке, пока я продам, уеду отсюда и распоряжусь найти место здесь твоим рыжим. Разумеется, я за содержание их (уже моих) с тобою посчитался бы и согласился бы на твои условия. Если бы так устроить, я бы был до ребячества рад — но не знаю, как эта моя просьба тебе придется по нутру. По уплате мною тебе цены за коней ты мне вышлешь на них свидетельства и упомянешь, что они мои, вот и все. Если бы лошади были больше ростом, т. е. если бы я мог их взять в Петербург нынешней осенью, то и говорить нечего, но — лошадей с одним вершком — нечего мне в городе делать.

Поразмысли и напиши мне: во-первых, дашь о себе весть, а именно обрадуешь письмом; я помню, раз в Грайворонке при твоём брате я видел 2-х жеребцов рыжих 4-х вершков, оба были верховые, но по складу годились и в упряжь — думал я, думал, и купил вороного коня, который мне понравился, а от которого не было проку, а о рыжих так и запала мне в сердце «стрела сожаления», что не сумел воспользоваться. Обсуди все и напиши.

Какой это Лопатин у тебя гостит? Я знал одного в Петербурге, сына известного шорника, а звали его Николаем Ивановичем.

Поклон Соловьеву и сердечный привет Марии Петровне. Будь здоров и будь уверен, что я люблю получать твои письма: что-то всегда отдает в них былыми, милыми годами.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

^a критиковать легче, чем творить (*франц.*).

^b Ночь приносит покой (*франц.*).

^c ваши алезанские лошади скачут у меня в голове (*франц.*).

Не будет ли съезда 12 августа в Мценске?

Анекдот: становой пристав наш страшал одного мужика, что продаст его имущество за какое-то взыскание. Ответ мужика: всего-то продать и права не имеете, ну вот есть у меня одна лошадь, как же ее продать? На чем же я буду ездить красть и брать лыки в новосильцовском лесу? Становой так и повесил нос и уехал, называя своего собеседа сукиным сыном!

На конверте: Станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) 30 июля 1887, почтовый вагон 15;
2) Коренная Пустынь, 30 июля 1887.

¹ Михаил Никифорович Катков скончался 20 июля 1887 г. в своей усадьбе. Это было воспринято как государственное событие, и во всех храмах России служили панихиды по усопшему. Что касается его отношения к внешней политике России, то в своих последних статьях он так «громил» Министерство иностранных дел во главе с Н. К. Гирсом, что вызвал недовольство Александра III. Катков был ярким германофобом, сторонником союза с Францией, и не мог оценить медленных, осторожных переговоров-бесед с Бисмарком русского посла в Германии Павла Андреевича Шувалова. Непонятно, что имел в виду Фет под словом «робость» Бисмарка, известно только, что Бисмарк был полны хитер и осторожен и мог притвориться каким угодно. Он, конечно, не был другом России, а был ее врагом, ибо усматривал в ней главное препятствие для германской гегемонии в Европе. Но канцлер был достаточно умен, чтобы понимать, как сильна Россия, и знал, что война с Россией явилась бы для Германии большим бедствием.

66

14 (26) августа 1887, с. Воин

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, право, не знаю, как могло случиться, что я запоздал с выражением моей благодарности, именно не знаю и понять не могу — ты мне доставил такое удовольствие, которое не берусь описать, потому что описание выйдет несравненно слабее и бледнее тех чувств какой-то веселости благодарной, которые я испытываю, когда только вспомню, что у меня есть твоего завода пара упряжных рыжих жеребцов. Низко тебе кланяюсь и благодарю: когда я читал твое письмо, в котором ты выражаешь мне твое согласие на мои условия подержать коней до января, просто у меня запели соловьи где-то внутри, только не в желудке, а выше. Благодарю, благодарю, благодарю — теперь займусь достать, чем расквитаться с тобой в отношении денежном, как только смогу — вышлю. Вчера у нас прошел град, но такого я не видывал во всю жизнь, я шел с гумна, куда хо-

дил смотреть на молотьбу, возвращаясь домой, меня так вымочило, что нитки сухой не нашлось при перемене платья, град был с куриное большое яйцо! И я имел глупость снять мерзейшую какую-то дырявую соломенную шляпу, с которой мне лилась струя холодного дождя за шею, снял, чтобы слить воду, и получил по башке две шишки! Отроду не видывал такого града, в одной из оранжерей, в так называемой виноградной, рамы не были выставлены и побило, разумеется, вдребезги все стекла! Но радуюсь, что град выпал, когда хлеб почти везде срезен, а то была бы беда! Я сегодня съездил утром к Галаховым поздравить с новорожденной и, к моему удивлению, узнал от Галахова, что твоя племянница отправилась в Орел. Это 2 недели после родов-то! Вот, с позволения сказать, глупство, как говорят поляки!

Что ты подделываешь, и когда Энеида придет к концу: *arma, vigum-que capo^a etc.¹ Желая успеха и буду читать. Я теперь погряз в военных чтениях, между прочим, только что кончил два толстенных тома биографии Тотлебена!² Сочинение его бывшего адъютанта Шильдера!³ Читается легко и все время сожалеешь, что такой человек умер! Не Милютиным и новым реформаторам чета. Этакая чистая, прямая натура со всеми качествами, присущими немцам и русским вместе. Помоему, когда эти две национальности в ком-либо соединены, то это верх совершенства, на мой взгляд, тут и аккуратность и добросовестность и широкая (славянская), т. е. русская, натура, друг друга умеряющие и возвышающие.*

Я очень рад, что государь поехал в Данию, отдохнет, освежится мыслями и вернется, Бог даст, к делу, а не только к выслушиванию докладов и «мнений».

Мой поклон усерднейший Марии Петровне, если Соловьев у вас, засвидетельствуй ему мое почтение, самому скажи, что редко кого ты порадовал, как порадовал меня «рыжими». Жалею, что малы! Но не хочу отравлять чувств удовольствия критикой, могли бы быть больше и проч. и за 3 вершка кланяюсь на аршин книзу.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской железной дороги
Станция Коренная Пустынь, сельцо Воробьевка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) 16 августа 1887, почтовый вагон 15;
2) 16 августа 1887, Коренная Пустынь.

^a восславим ратные подвиги героя (*лат.*).

¹ Начальная строка поэмы Вергилия «Энеида».

² *Тотлебен Эдуард Иванович*, граф (1818—1884) — инженер-генерал, руководил инженерными работами при обороне Севастополя в 1854—1855 гг. Во время русско-турецкой войны руководил осадой крепости Плевна. Главнокомандующий армией в 1878—1879 гг. С 1879 г. член Государственного совета и одесский генерал-губернатор.

³ Речь идет о книге Н. К. Шильдера «Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность» (М., 1887). *Шильдер Николай Карлович* (1842—1902) — генерал, историк, начальник Инженерной академии и Инженерного училища, был адъютантом генерала Тотлебена с 1863 по 1874 г. после окончания Николаевской инженерной академии. Пользовался расположением императора Александра III: «Дело в том, что государь любил русскую историю, и на этой почве между ним и Н. К. Шильдером установились весьма близкие, можно сказать, дружеские, отношения. Государь приглашал к себе Шильдера совершенно запросто, по вечерам, когда все дела были кончены, и они беседовали по вопросам русской истории. Шильдер привозил документы, рукописи, которые они изучали вместе» (*Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. Цит. по: Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 201).

67

25 августа (6 сентября) 1887, с. Воин

Августа 25 1887.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, тебе, вероятно, Мария Петровна передала и мой поклон и выразила мою благодарность за рыжих, эта мысль о них меня веселит до ребячества: все помышляю о них и боюсь, что для Петербурга будут малы, взять их на Воин можно будет и ранее января, как только обернемся. Вышлю Сергея Михайловича, здешнего старшего кучера, за ними в Воробьевку, корму не будем жалеть особенно осенью, овес же к тому уж не дорог, я немного продал по 38 копеек на месте: просто стыдно — да делать нечего. На днях я был в Орле и вспоминал о тебе и о том, что бы мы с тобою говорили и думали бы при следующем «анекдоте». С января месяца губернатор писал министру внутренних дел о безобразиях городского самоуправления, к весне был прислан для проверки этих сведений тайный советник Веселкин, приехавший под впечатлением, что губернатор не умеет ладить, и прочих подобных мыслей, вероятно, внушенных неким директором хозяйственного департамента Министерства внутренних дел Вишняковым,¹ одним из изобретателей прошлого царствования и специально выработавшим городское положение. Веселкин сперва отнесся «критически», но потом убедился в мерзости запустения выборного дела в думе и проч. На днях пришло высочайшее повеление назначить городского голову от правительства, — переполох, вице-губернатор за отсутствием Боборыкина призвал городского голову к себе и, объявив ему высочайшее повеление, приказал собрать думу и сообщить, затем он присовокупил, что если

появятся речи, скандал, протесты и проч. — отвечать будет он, ныне председательствующий по выборам головы! Вообрази, чем все это кончилось: во время чтения высочайшего повеления кто-то из [гласных] встал и начал предлагать «выразить государю» по телеграфу благодарность за истинное отеческое попечение государя о благополучии и спокойствии городских обывателей и проч. — предложение подхвачено, поручена кому-то редакция, и пошло в Петербург телеграфическое выражение чувств благодарности!

Когда я был в Орле, правитель канцелярии только что получил от Плеве, исполняющего должность министра внутренних дел, бумагу, в которой тот доводит до сведения губернатора, что на представлении, при докладе государю, благодарственной телеграммы города Орла государь собственноручно изволил написать слова «очень рад».

Вот тебе и опасения г-на Берса² о впечатлении, которое приводит на думу высочайшее повеление похерить выборы, но назначить от правительства голову, и во многом так будет, когда положат конец каше, существующей от всяких так называемых либеральных мер, давно «пора было делать, а не публику потешать», как говаривал Григорий Григорьевич Теку<тьев>, живший у нас и которого ты, может быть, помнишь. Это он говорил Аграфене Николаевне, когда долго не сядились за стол к обеду. Теперь многое из расхваленного публикой ей самой надоело! Вот же, кажется, хорошая сторона пережитой дребедени! Отрезвились и не будут так падки к нововведениям, не идущим «ни к селу, ни к городу».

Кончаю сим каламбуром. Сердечный поклон Соловьеву, остальных твоих гостей *lumina coeli*³ не знаю, хотя Страхова читал, а Гротатца встречал и почитал.³

Будь здоров и дай тебе Бог всего лучшего, я, по милости Его, начинаю поправляться, в первых числах сентября собираюсь в Мисхор.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.
ст. Коренная Пустынь сельцо Воробьевка.
Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон 15, 26 августа 1887;
2) Коренная Пустынь Курск. губ. 26 августа 1887.

¹ *Веселкин Михаил Александрович* — член совета министра внутренних дел, тайный советник; *Вишняков Александр Григорьевич* — директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, тайный советник.

³ Правильно: *lumen coeli* — свет небесный (*лат.*).

² *Берс Александр Андреевич* — вице-губернатор Орловской губернии.

³ *Страхов Николай Николаевич* (1828—1896) — публицист, литературный критик, философ, автор известных статей о творчестве А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. А. Фета, Я. П. Полонского и др. В письме к С. Энгельгардт от 10 (22) марта 1879 г. Фет сообщал, что «сдает» свои стихи «одному милому и умному человеку — Страхову, а это он уже их печатает по своему усмотрению, где и как хочет» (Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть II (1874—1884) / Публикация Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 88). После смерти Фета К. Р. и Н. Н. Страхов подготовили к печати первое посмертное собрание стихотворений Фета на основе его автографов, переданных К. Р. вдовой Фета Марией Петровной.

Грот Яков Карлович (1812—1893) — языковед, историк литературы, переводчик. В это время вышли в свет подготовленные им «Сочинения и переписка П. А. Плетнева» (Т. 1—3. СПб., 1885), и его новые для русской текстологии принципы позволяли надеяться на то, что он «возьмется» издавать А. С. Пушкина (см. письмо С. И. Пономарева к Я. К. Гроту от 17 апр. 1887 г.: РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 7, № 19, л. 40). Сыновья Грога тоже были известными людьми: Николай Яковлевич (1852—1899) — философ, проф. Московского университета, председатель Московского психологического общества; Константин Яковлевич (1853—1934) — филолог-славист, проф. Варшавского университета.

68

31 октября (12 ноября)

Мисхор, октября 31. 1887.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, пишу тебе письмо, адресуя его уже в Москву в расчете, что ты уже занял зимние квартиры, тогда как я еще продолжаю благоденствовать в Крыму — не знаю, долго ли мне здесь придется оставаться: все зависит от погоды и особенно от температуры в занимаемом мною доме, где я проживаю с Долгоруковыми и моим доктором, семейство большое, милое, и помысла нет скучать, в свободное от времени, проводимого с семейством, я много читаю и все сочинения военные, к которым всегда питал пристрастие. Прочитавши два толстых тома вновь вышедшей биографии Тотлебена, теперь читаю три тома «Генералиссимус князь Суворов», сочинение гсп. Петрушевского,¹ газеты лишь пробегаю — из пустого в порожнее переливание и умствования людей «не у практики дел», которым всегда легче судить, осуждать, чем дело делать, что переводится французской пословицей «la critique est aisee, mais l'art est difficile» — эта черта главнейшая в журналистах, не говоря уже о других.

Из деревни я получил донесение о благополучном прибытии на Воин из Воробьевки рыжих коней, приобретенных мной у тебя заглазно. Уверен, т. е. более чем надеюсь, благодарить тебя за них впоследствии, теперь же, признаюсь, — огорчился немного сообщенными мне сведениями, которые и выписываю с заковычками 26 октября. «Вчера

привели из Воробьевки от Афанасия Афанасьевича Шеншина двух рыжих, один потемнее, складом тоже довольно отличительны, один от другого, роста в одном 1 1/2 вершка, в другом 2 вершка. По описанию, как Вы передавали мне, я ждал более паристых; впрочем, проездом через Воин при возвращении из Крыма увидите сами и точнее определите, теперь они в очень худом теле».

Сообщаю тебе эту выписку с некоторым раздумьем, само собой разумеется, что лошади мои, и это я тебе пишу не в виде попрека, но думается мне: тех ли мне лошадей выслали, которых ты назначил мне и о которых писал, что годились бы в ландо со временем. Когда это узнаешь, напиши мне сюда еще, я уже написал сегодня в деревню, чтобы кормили лошадей полной порцией, т. е. от 15 до 17 фунтов овса в сутки на голову и сена чистого 15 на голову же, и заезжали бы. На маленьких лошадях в Петербурге мне все-таки не ездить, но я все-таки их буду холить и выезжать. Только сообщи, не подменили ли их против твоей воли, напиши мне, каких лет — ты, помнится, мне сообщил, что им 4-й год, следовательно, росту прибавиться могут разве на вершок! Вряд ли более. Будь здоров, не поминай меня лихом и повергни к стопам Марии Петровны мой нижайший поклон.

Преданный тебе искренно и давно
И. Новосильцов.

Адрес здесь: Таврической губернии почтовая станция Мисхор, имение гр-ни Шуваловой, твоему покорнейшему слуге.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
Москва, Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) Мисхорская П. С., 1 ноября 1887;
2) Москва, 5 ноября 1887.

¹ *Петрушевский Александр Фомич* (1826—1904) — русский военный историк, генерал-лейтенант, до 1887 г. служил в артиллерии. Автор самого фундаментального исследования биографии А. В. Суворова «Генералиссимус князь Суворов», которое выдержало несколько изданий (первое издание этой книги (три тома) вышло в 1884 г. в Петербурге в типографии М. М. Стасюлевича).

31 декабря 1887 (12 января 1888), С. Петербург

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,
во-первых, прими выражение моих сердечных пожеланий тебе и Марии Петровне на наступающий новый год и, во-вторых, дозволю во-

прос, куда и когда ты провалился сквозь землю после твоего краткого посещения меня здесь? Я ждал и переписанной бумаги, для того чтобы ее препроводить курскому вице-губернатору, и написал было более половины письма к нему, оставляя подробности до получения обещанной копии, и... и ничего не слыхать стало, провалился, исчез с поверхности видимого пространства, когда ты уехал, уладил ли что здесь по делу Воробьевки?¹

Ничего не известно, получил я только Вергилия и только что узнал, что не Виргилий сочинил Энеиду, а Вергилий.² Только этим посланием, за которое тебе спешу выразить мою благодарность, я и объясняю себе твое возвращение на Плющиху!

Нового, мне известного, ничего не могу сообщить, и передавать болтовню, которую приходится слышать, не стоит, до того доходит всякое вранье, что на днях, случайно побывав в Гатчине, мне сообщали как достоверный факт о том, что государь говорил с глазу на глаз с лордом Рендольфом Чёрчилом! А я видел государя за завтраком, и он мне сказал, что говорил с Чёрчилом «по-французски», что для себя чувствовал удобнее, и более ничего!³ И говорят вранье люди, которым по их положению следовало бы придавать веру! Поди ты! Я себе позволил на днях сказать, когда толковали об университетах, что один университет не волнуется и не причиняет забот — это дерптский!⁴ А почему? Потому, мол, что там «порядок», то же можно сказать о том, что творится в балтийских губерниях, удивляться нечему, что там и руками и ногами стараются отпихнуть реформаторов, желающих во имя русской идеи попокастить и ввести наши порядки в множественном числе туда, где порядок в единственном числе. Заставь говорить их по-русски — это так, спору нет, но пусть говорят они по-русски, а дело делают по-немецки, так-то лучше будет, не в укор будь сказано всяким «Новым временам», а то как начнешь читать, чего этой братии хочется, так и удивишься, вспомня пословицу о благих делах: заставь дурака Богу молиться, он себе лоб расшибет! Это — дурака заставь, а шельму или нигилиста нечего и заставляя Богу молиться! Der langen Rede kürzer Sinn,^a заставляют пирожников сапоги шить, а сапожников пироги печь!

Целую тебя и кончаю, как начал, с приветом на новый год.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

Если тебе нужно письмо к Лазареву в Курск — напиши.⁵ Видел ли ты Гагарина?⁶

^a Короче говоря (нем.).

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
Москва, Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 1 января 1888;
2) Москва, 2 января 1888.

¹ По этому поводу А. А. Фет в своих воспоминаниях писал: «...в декабре 1887 г. я ездил в Петербург по весьма неприятной тягбе, свалившейся на меня, как снег на голову, как бы в подтверждение французской пословицы: „qui terre a, guerre a“»^b (Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 467).

² Имеется в виду то, что по-латыни имя римского поэта Вергилия, Vergilius, в позднейшем варианте писалось через *i* в первом слове: Virgilius. 1-я часть «Энеиды» Вергилия в переводе Фета вышла в Москве в 1888 г.

³ *Лорд Рэндольф Черчилль* (1849—1895) — английский политический деятель, отец Уинстона Черчилля, находился в России с частным визитом с 11 дек. 1887 по 5 янв. 1888 г. Это зафиксировано в дневнике А. А. Половцова, который был с ним в дружеских отношениях и позже гостил у него в Англии: «16 декабря. <...> Сажусь в сани вдвоем с Черчиллем и выслушиваю от него уверения в дружбе к России и ненависти к Бисмарку»; «17 декабря. <...> Потом речь как-то заходит о Черчилле, и я передаю слова, сказанные им Бретейлю (маркизу, парижскому знакомому Половцова. — *Е. В.*) после приема у государя: „У меня сложилось убеждение, что можно полностью положиться на слова императора и что никто никогда не побудит его сказать не то, что он думает“»; «1 января 1888 г. <...> Бретейль передает мне, что Черчилль получил письмо из Лондона, уведомляющее его, что Солсбери решил подписать соглашение о вступлении Англии в союз Германии, Австрии и Италии. Черчилль негодует на возможность подобного факта и намерен поспешить возвращением в Англию для противодействия Солсбери...» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 59, 63, 69).

Солсбери Роберт, маркиз (1830—1903) — английский премьер-министр в 1885—1892 гг., тактика которого была «смотреть и выжидать», придерживался так называемой «блестящей изоляции» Англии.

⁴ Речь идет о волнениях во многих высших учебных заведениях России в конце ноября 1887 г., в результате которых Московский университет был временно закрыт, также были закрыты Петербургский, Харьковский, Казанский и Новороссийский университеты, Харьковский технологический и Казанский ветеринарный институты. Дерптский университет был все-таки удален от центральной России, у него был свой менталитет, это было особое «государство в государстве», и русские революционные идеи бунта в нем не приживались.

⁵ *Лазарев Петр Михайлович* — вице-губернатор Курской губернии, состоял шталмейстером при дворе, как и Новосильцов.

⁶ Возможно, имеется в виду *Гагарин Сергей Сергеевич*, князь (1832—1890) — шталмейстер, которого Новосильцов хорошо знал.

^b у кого земля, у того и война (*франц.*).